

МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»

Новосибирск, 2012 г.

УДК 009
ББК 6/8
Г 34

Г 34 «Гендерные аспекты гуманитарных наук»: материалы II международной заочной научно-практической конференции. (21 ноября 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2012. — 76 с.

ISBN 978-5-4379-0172-4

Сборник трудов II международной заочной научно-практической конференции «Гендерные аспекты гуманитарных наук» отражает результаты гендерных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных гуманитарных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития гендерных аспектов в гуманитарных науках.

ББК 6/8

ISBN 978-5-4379-0172-4

Рецензенты:

- канд. филол. наук Бердникова Анна Геннадьевна;
- канд. психол. наук Красовская Наталия Рудольфовна;
- канд. пед. наук Ле-ван Татьяна Николаевна;
- канд. экон. наук Леонидова Галина Валентиновна;
- бизнес-консультант Наконечный Дмитрий Иванович;
- канд. ист. наук Прошин Денис Владимирович;
- канд. пед. наук Якушева Светлана Дмитриевна.

© НП «СибАК», 2012 г.

Оглавление

Секция 1. Вопросы гендера в психологии 5

- ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
ВЫГОРАНИЯ У СОТРУДНИКОВ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С ПОЗИЦИИ
ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА 5
Баратынская Анастасия Владимировна
- ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛИЧНОСТИ ЛЮДЕЙ
С ГЛУБОКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ ЗРИТЕЛЬНОГО
АНАЛИЗАТОРА 11
Белоусов Александр Сергеевич
- ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИВНОЙ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЖЕНЩИН
С НЕТРАДИЦИОННОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ 19
Романкив Надежда Александровна
Луценко Елена Львовна

Секция 2. Вопросы гендера в педагогике 24

- ИНТЕГРАЦИЯ ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
ПОДХОДА В ПРОЦЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ В ГЕРМАНИИ 24
Гривкова Елена Яковлевна
- ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗГОСЖЕНПУ 29
Юнусова Муновар Садыковна
Тайшикова Каныш Жалидиновна

Секция 3. Вопросы гендера в философии 34

- ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ
ГЕНДЕРНЫХ КАТЕГОРИЙ В ФИЛОСОФСКОЙ
РЕФЛЕКСИИ 34
Барашян Валентина Карапетовна
- ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФИЛОСОФСКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА 42
Риккер Юлия Олеговна
- ОТРИЦАНИЕ КАК ПРИНЦИП СТАНОВЛЕНИЯ
МУЖЧИНОЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ 47
Хитрук Екатерина Борисовна

Секция 4. Вопросы гендера в истории	51
ТВОРЧЕСТВО Е.П. РОСТОПЧИНОЙ КАК АПОЛОГИЯ ЖЕНСКОЙ ЭСТЕТИКИ (К ВОПРОСУ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) Павлова Надежда Ивановна	51
Секция 5. Вопросы гендера в экономике и управлении	57
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ Погудина Евгения Юрьевна	62
Секция 6. Вопросы гендера в социологии	66
ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ МАСКУЛИННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ Клименко Наталья Сергеевна	66
ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В СЕМЬЕ Тлеукенова Жанар Сайрамбековна Бектурганова Гульжан Кыдырбаевна Аймаганбет Гуласыл Казбековна	71

СЕКЦИЯ 1.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ПСИХОЛОГИИ

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С ПОЗИЦИИ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА

Баратынская Анастасия Владимировна

*аспирантка кафедры общей и медицинской психологии,
факультет психологии, ДНУ им. О. Гончара, г. Днепропетровск
E-mail: Nastushka.com.ua@mail.ru*

Синдромом эмоционального выгорания является состояние эмоционального, психического и физического истощения, развивающегося в результате хронического стресса средней интенсивности в условиях профессиональной деятельности.

Потенциально выгорание может возникнуть при выполнении любого вида деятельности. Но чаще всего оно возникает у представителей профессий типа «человек-человек» [9].

Изучению данного феномена посвящено множество работ, как в отечественной, так и в зарубежной психологии, в частности, по аспектам исследования содержания и структуры эмоционального выгорания (Т.В. Форманюк, 1994; В.В. Бойко, 1996; Л.М. Карамушка, 2001; Н.В. Назарук, 2007); разработке психодиагностического инструментария для его измерения (К. Маслач, 1993; В.В. Бойко, 1996; О.О. Рукавишников, 1998); анализу детерминант возникновения синдрома (В.Е. Орел, 2001; Т.В. Зайчикова 2001; К.О. Малышева, 2003; Н.М. Булатевич, 2004), определению средств профилактики и коррекции последствий выгорания (И.Ю. Остополец, 2003; И.В. Сергеева, 2003; Л.М. Карамушка, Т.В. Зайчикова 2005; Н.В. Назарук, 2007). Синдром эмоционального выгорания широко исследовался у медицинских сотрудников (Г.С. Абрамова, 1998; М.А. Гавриленко, 2002; Т.В. Большакова, 2004; Л.М. Юрьева, 2004) [9; 11], педагогов (Дж. Роланд, М. Сантинелло, 1993; Дж. Ван Хорн, В. Шауфели, Р. Бюрке, 1997; Р. Шварцер, Дж. Шмитц,

С. Танг, 2000; В. Еверс, В. Томик, 2002; У. Демирел, Н. Гюлер, А. Токтамис, 2005) [3; 10; 11], сотрудников правоохранительных В.С. Медведев, 1996; А.А. Молчанов, 1991; Б.Д. Новиков, 1993; С.Е. Борисова, 1996; О.В. Крапивина, 2004; И.О. Моцонелидзе, 2010; Дон Куртц, 2008) [6; 7; 8; 12].

Однако, несмотря на такое количество работ, посвященных проблеме эмоционального выгорания, гендерный аспект этого феномена исследован в меньшей степени. Не уделено достаточного внимания данной проблеме и у служащих правоохранительных органов. Во-первых, в современной психологической литературе недостаточно исследована проблема профессионального становления женщины-профессионала, в частности женщины-сотрудника милиции (И.А. Боброва, 2005; О.В. Малыгина, 2008; М.А. Демина, 2005) [2; 4; 5]. Во-вторых, в большинстве работ эмоциональное выгорание исследуется у мужчин-сотрудников правоохранительных органов.

Целью данной статьи является анализ гендерного аспекта особенностей эмоционального выгорания у сотрудников правоохранительных органов.

На сегодня не существует обобщенной классификации факторов эмоционального выгорания, но в отечественной психологической науке одной из наиболее известной является классификация В.Е. Орла [9]. Он выделяет 2 группы факторов возникновения эмоционального выгорания:

1. **индивидуальные**, к которым относит *социально — демографические особенности сотрудника* (возраст, пол, семейное положение, стаж работы, образовательной и квалификационной уровни, социальное происхождение, этническая и расовая принадлежность) и *личностные особенности сотрудника* (выносливость, локус контроль, стратегии преодоления, самооценка, тип поведения А, нейротизм (тревожность), экстраверсия и т. д.);

2. **организационные**. К числу этих факторов можно отнести *условия работы* (рабочие перегрузки, дефицит времени, продолжительность рабочего дня и т. д.), *содержание работы* (интенсивность профессионального общения, участие в принятии решений, самостоятельность в своей работе), *социально — психологические особенности* (взаимоотношения в организации, наличие социальной поддержки), а также *ролевые особенности* (ролевые конфликты, ролевая амбивалентность и т. п.)

Р.Дж. Бурке отмечает, что мужчины в большей степени подвержены процессу выгорания, чем женщины, в то время как другие

исследователи (Г.Р. Гросс, Дж. Дэниел) приходят к совершенно противоположным заключениям [10; 14].

Риск подвергнуться выгоранию зависит от того, насколько выполняемые работниками функции соответствуют их поло-ролевой ориентации. Так, установлено, что мужчины являются более чувствительными к воздействию стрессоров в тех ситуациях, которые требуют от них демонстрации истинно мужских качеств, таких, как физические данные, мужская отвага, эмоциональная сдержанность, показ своих достижений в работе.

В свою очередь, Дон Куртц замечает, что демонстрация своих эмоций на работе, по мнению мужчин-сотрудников милиции, равнозначна окончанию карьеры [12].

В.Е. Орел отмечает, у мужчин более высокие баллы по деперсонализации, а женщины в большей степени подвержены такому компоненту эмоционального выгорания, как эмоциональное истощение [10; 11; 14]. Это может быть связано с тем, что у мужчин преобладают инструментальные ценности, женщины же более эмоционально отзывчивы и у них меньше развито чувство отчуждения от своих клиентов [13; 16]. Таким образом, женщины-сотрудники правоохранительных органов чаще расследуют случаи насилия, в частности над детьми, так как являются более открытыми, им легче найти общий контакт с потерпевшими [12].

В то же время женщины являются более чувствительными к стрессовым факторам при выполнении тех обязанностей, которые требуют от них сопереживания, воспитательных умений, подчинения [9].

Одним из самых важных факторов является роль семьи в возникновении стресса и эмоционального выгорания. Мужчины получают большую поддержку в семье, что помогает им легче справиться со стрессом. Подтверждением служат результаты исследования К. Маслач [15]. В них отмечается более высокая степень предрасположенности к выгоранию лиц (особенно мужского пола), не состоящих в браке. Причем не женатые мужчины в большей степени предрасположены к выгоранию даже по сравнению с разведенными.

Для женщин, в свою очередь, характерен ролевой конфликт «семья — работа», кроме этого работающая женщина испытывает более высокие рабочие перегрузки (по сравнению с мужчинами) из-за дополнительных домашних и семейных обязанностей. Таким образом, семейная жизнь может помочь мужчине — сотруднику правоохранительных органов справиться со стрессом лучше;

женщины — сотрудники милиции могут не получить подобной поддержки в семье [9; 2].

Важно отметить, что одним из способов управления со стрессом для мужчин-сотрудников правоохранительных органов является обсуждение с коллегами стрессовых ситуаций, которые они пережили, например, участие в военных или боевых действиях. Таким образом, они освобождаются от страхов и тех негативных эмоций, которые связаны с данными событиями. В свою очередь, для женщин-сотрудников милиции не характерно такое поведение [12].

Важные результаты были получены Бобровой И.А. при исследовании психологических особенностей личности женщин-сотрудников УВД:

1. в структуре ценностных ориентаций женщин-сотрудников УВД доминируют ценности витального порядка: любовь, счастливая семейная жизнь, здоровье. В свою очередь, ценности профессиональной самореализации и эстетические ценности менее выражены;

2. структура ценностных ориентаций женщин-сотрудников правоохранительных органов с различной успешностью профессиональной деятельности имеет выраженные различия. У женщин-сотрудников правоохранительных органов с высокой успешностью деятельности доминируют экзистенциальные ценности (широта знаний и общая высокая культура). В свою очередь, для сотрудниц УВД с низкими показателями успешности профессиональной деятельности более важна материальная обеспеченность, физическое и психическое здоровье. Психологические особенности женщин-сотрудников УВД характеризуются высокой готовностью к сотрудничеству, активностью в установлении контактов с людьми, склонностью к добродушию, эмоциональному выражению. Они легко приспособляемы, щедры в личных отношениях, не боятся критики, хорошо запоминают события, имеют более высокий уровень самооценки по сравнению с мужчинами-сотрудниками УВД. Важно отметить, что у карьероуспешных женщин статистически достоверно выше показатель тревожности;

3. успешные женщины — сотрудники правоохранительных органов имеют более высокий уровень поведенческой регуляции и нервно-психической устойчивости, высокую адекватную самооценку и адекватное восприятие действительности. В свою очередь, менее успешные женщины-сотрудники УВД демонстрируют более высокие адаптивные и коммуникативные способности, однако различия не достигают статистической достоверности [7; 2].

4. у женщин-сотрудников УВД определены особенности социального интеллекта, среди которых доминируют установка на прогноз последствий поведения людей, на понимание вербальной и невербальной экспрессии человека и установка на «схватывание» структуры и логики развития межличностных коммуникаций;

5. факторная модель психологических показателей успешности служебной деятельности женщин-сотрудников УВД включает такие компоненты, как: коммуникативная компетентность, направленная на успешное выполнение служебных обязанностей; интеллектуальная активность; осмысленное отношение к жизни; эмпатия; высокий уровень самоконтроля, а также фактор тревожности [2].

На основе вышеперечисленного материала, можно сделать следующие выводы:

1. потенциально выгорание может возникнуть при выполнении любого вида деятельности. Но чаще всего оно возникает у представителей профессий типа «человек-человек». Поскольку деятельность сотрудников правоохранительных органов является достаточно сложной, эмоционально напряженной, требует повышенной ответственности, при выполнении данной профессиональной деятельности характерно возникновение эмоционального выгорания;

2. существуют гендерные различия в особенностях протекания эмоционального выгорания среди служащих в правоохранительных органах, т. к. синдром эмоционального выгорания проявляется по-разному у сотрудников — мужчин и сотрудников — женщин (мужчины больше страдают от деперсонализации, а женщины, в свою очередь, в большей степени подвержены эмоциональному истощению; у мужчин преобладают инструментальные ценности, женщины же более эмоционально отзывчивы и у них меньше развито чувство отчуждения от клиентов);

3. одним из важнейших факторов, влияющим на процесс эмоционального выгорания, является наличие семьи. Мужчины получают большую поддержку в семье, что помогает им легче справиться со стрессом. Для женщин, в свою очередь, характерен ролевой конфликт «семья — работа».

Таким образом, мы надеемся, что рассмотренный материал поможет нам при дальнейшем определении особенностей профессионального выгорания среди сотрудников правоохранительных органов, а так же при определении роли личностных факторов в предотвращении профессионального выгорания сотрудников УВД с позиций гендерного аспекта.

Список литературы:

1. Аршава И. Ф., Репина О.Г. Юридична психологія : підручник . Д. : Вид-во ДНУ, 2008. — 180 с.
2. Боброва И.А. Психологические особенности личности женщин — сотрудников органов внутренних дел МВД России: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. психол. наук: спец. 19.00.06 «Юридическая психология». С.-П., 2005 — 27 с.
3. Грисенко Н.В., Носенко Е.Л. Роль позитивних цінностей і властивостей особистості у попередженні емоційного вигорання педагога: моногр . Д.: РВВ ДНУ, 2012. — 180 с.
4. Демина М.А. Профессиональное воспитание женщин — военнослужащих внутренних войск МВД России с учетом гендерных аспектов: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук: спец. 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования». С.-П., 2005 — 32 с.
5. Малыгина О.В. Специфика и динамика личностных особенностей женщин-сотрудниц уголовного розыска органов внутренних дел: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. психол. наук : спец. 19.00.03 «Психология труда, инженерная психология». Я., 2008 — 24 с.
6. Медведев В.С. Проблеми професійної деформації співробітників органів внутрішніх справ (теоретичні та прикладні аспекти): підруч. Київ: Національна академія внутрішніх справ України, 1996. — 192 с.
7. Мілорадова Н.Е. Особливості прояву емоційного вигорання у працівників органів внутрішніх справ з різним стажем професійної діяльності // Вісник Національної академії оборони України. Питання психології. — 2009. — № 2 (10). — С. 106—110.
8. Моцонелдзе І.О. Психологічні особливості чинників, що зумовлюють виникнення емоційного вигорання у працівників органів внутрішніх справ // Проблеми сучасної психології. — 2011. — № 11. — С. 508—518.
9. Орел В.Е. Феномен "выгорания" в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Психологический журнал — 2001. — № 1 — С. 15—27.
10. Burke R.J., Greenglass E. A longitudinal study of psychological burnout in teachers // Human Relations. — 2003. — V. 48 (2). — P. 187—202.
11. Daniel J., Shabo I. Psychological burnout in professional with permanent communication // Studia-Phy-schologica. — 1999. — V. 35 (4—5). — P. 412—414.
12. Don Kurtz Burnout Among Police Officers: Differences In How Male, Female Police Officers Manage Stress May Accentuate Stress On The Job// American J. of Criminal Justice. — 2008. — V 2. — P. 17—26.
13. Grengalass E.R., Burke R.J., Ondrack M. A gender role perspective of coping and burnout // Applied Psychology An International Review. — 2000. — V. 39 (1). P. 5.

14. Gross G.R., Larson S.J., Urban G.D., Zupan L.L. Gender differences in occupational stress among correctional officers. Special issue: Personnel issues in criminal justice // American J. of Criminal Justice. — 2004. — V. 18 (2). — P. 219—234.
15. Maslach C., Jackson S.E., Leiter M.P. Maslach Burnout Inventory Manual (Third Edition). Palo Alto, California: Consulting Psychological Press, Inc. — 1996.
16. Ogus E.D., Grenglass E.R., Burke R.J. Gender-role differences, work stress and depersonalization // J. of Social Behavior and Personality. — 1999. — V. 5 (5). — P. 387—398.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛИЧНОСТИ ЛЮДЕЙ С ГЛУБОКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ ЗРИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗАТОРА

Белоусов Александр Сергеевич

директор интернет-версии журнала

«Системная психология и социология», ИПССО, МГПУ,

г. Москва

E-mail: krigspair@yandex.ru

1. Введение

В Российской Федерации органами медико-социальной экспертизы ежегодно регистрируется около 45000 случаев признания граждан инвалидами по зрению. Общее же количество зарегистрированных слепых и слабовидящих людей среди россиян на текущий момент составляет 218 тысяч человек, в том числе totally незрячих — 103 тысяч человек. Более 20 % инвалидов по зрению в России — это молодые люди трудоспособного возраста. По данным НИИ глазных болезней им. Гельмгольца, количество людей с патологией органов зрения в РФ превышает 11 % всего населения. Таким образом, на 100000 населения Российской Федерации приходится более 11000 инвалидов по зрению. В 2010 г. в нашей стране государственными органами здравоохранения было зафиксировано 65,5 миллионов обращений к врачу-офтальмологу. Приведенные данные указывают на тот факт, что в Российской Федерации примерно 50 % населения в той или иной степени нуждаются в офтальмологической помощи.

Такое количество людей с патологией зрения требует разработки методов и средств их реабилитации для полноценного включения в общество и нормального функционирования в современном мире. Для достижения данной цели требуется комплекс медицинских, психологических и социально-культурных мероприятий по адаптации человека к условиям жизни и взаимодействия в окружающем социуме. В свою очередь, для разработки методик реабилитации требуется глубинное знание и понимание индивидуально-специфических свойств и качеств личности инвалидов по зрению.

Несмотря на тот факт, что к настоящему времени накоплен колоссальный объем тифлологических данных, в литературе до сих пор не описаны многие аспекты специфики личности слепых и слабовидящих [2, с. 16]. Большинство современных публикаций по тифлопсихологии и тифлопедагогике являются переизданием материалов 20-х—80-х гг. XX в. Современные же исследования, в основном, посвящены изучению психофизических, физиологических и иных свойств и качеств слепых людей, а также вопросам их обучения и воспитания. Любые изыскания с целью углубления и обогащения знаний о слепых в конечном итоге могут способствовать разработке новых, более эффективных способов реабилитации инвалидов по зрению, что позволит незрячим занять равноправное положение в социальной системе наравне с людьми без патологий зрительного анализатора.

Настоящее исследование мы посвятили изучению такого параметра личности, как акцентуации характера.

В 2011—2012 гг. в Институте психологии, социологии и социальных отношений при Московском городском педагогическом университете было проведено эмпирическое исследование гендерной специфики личности людей с глубокой патологией зрительного анализатора.

2. Объем и методы исследования

В исследовании приняли участие 744 человека. Участники настоящего исследования являются гражданами РФ и постоянно проживают на территории Москвы и Московской области.

В качестве обследуемых привлекались люди из двух выборок, дифференцированных по заданному признаку:

1. Люди с глубокой патологией зрительного анализатора. Критерием отбора служило наличие у участника установленной государственными органами здравоохранения I-й (первой) или II-й (второй) группы инвалидности по зрению;

2. Респонденты из общей популяции людей с нормальным зрением. В данную группу вошли участники, не имеющие патологий зрительной системы, а также люди с некоторыми дефектами преломляющих и светопропускных структур (передняя камера и поверхностные структуры) глазного яблока (преимущественные диагнозы: миопия, гиперметропия, астигматизм) и не имеющие инвалидности по зрению.

Возраст участников находится в диапазоне от 19-ти до 30-ти лет. Таким образом были сформированы 2 (две) группы обследуемых:

1. Основная группа — респонденты с патологией зрения: 271 человек, 125 мужчин и 146 женщин. Средний возраст обследуемых основной группы составил 24,35 лет. Участники данной группы являются студентами московских вузов и/или работают на специализированных предприятиях ВОС (Всероссийское общество слепых);

2. Контрольная группа — респонденты из общей популяции: 473 человека. 207 мужчин и 266 женщин. Средний возраст контрольной группы составил 22,68 лет. Участники данной группы являются студентами московских вузов и/или ведут трудовую деятельность на территории Москвы или Московской области по различным направлениям.

В состав основной группы вошли респонденты с различным уровнем глубины патологии зрительного анализатора. Для дифференцировки степени потери зрения была использована система ранжирования остроты зрения, которая принята в учреждениях здравоохранения и образования Российской Федерации, а именно:

- тотально незрячие — лица с полной потерей зрительных ощущений;
- люди с сохранным светоощущением — люди из этой категории способны различать световые импульсы, но не могут распознавать предметное окружение;
- лица с остаточным зрением — люди с возможностью распознавания предметного окружения и остротой зрения менее 0,06 %.

В качестве психодиагностического инструментария в настоящем исследовании были использованы следующие методики:

1. 16-ти факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (16PFI).
2. Методика определения типа личности К. Леонгарда (тест акцентуаций).
3. Методика диагностики уровня невротизации Л.И. Вассермана.
4. Тест системного профиля мотивации Б.Н. Рыжова [3].

5. Опросник Плутчика-Келлермана-Конте (МПЗЛ) в модификации Е.С. Романовой.

6. Тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева.

7. Методика диагностики уровня личностной и ситуативной тревожности Ч. Спилберга.

Описание вышеупомянутых психодиагностических методик приведено ниже.

3. Основные результаты исследования

В ходе настоящего эмпирического исследования гендерной специфики личности людей с глубокой патологией зрительного анализатора был получен и обработан большой массив психодиагностических данных по различным направлениям исследования личности.

Было установлено, что люди с патологией зрения гораздо более тревожны по сравнению с нормальнозрящими людьми. Высокий уровень тревожности был зафиксирован двумя психодиагностическими методиками.

Наиболее тревожной категорией обследуемых оказались мужчины с приобретенной патологией зрительного анализатора. Следует отметить, что уровень тревожности мужчин-инвалидов по зрению, в целом, незначительно, но достоверно выше, чем у женщин с глубокой патологией зрения.

В ходе эмпирического исследования механизмов психологической защиты личности людей с глубокой патологией зрительного анализатора была выявлена специфика компенсаторных механизмов. Было установлено, что инвалиды по зрению в целом склонны к появлению реактивных образований. В большинстве случаев данная специфика проявляется в реакции ухода от мира: деятельность минимизируется до удовлетворения повседневных потребностей, жизненные цели не ставятся, жизнедеятельность протекает в приспособительном режиме. При этом индивид относится к себе либо с агрессией из-за неспособности, вследствие дефекта, выполнять различного рода деятельность, либо, напротив, с позиции, которая описывается в транзакционном анализе как «Я Ок ты не Ок». В последнем случае человек считает, что ему «все должны», занимается «коллекционированием» социальных льгот, дотаций и гуманитарной помощи. При этом его деятельность, направленная на приобретение этих льгот, носит весьма активный характер.

Второй вариант — то деятельность гиперактивность. При этом сценарии человек находит себе определяющее занятие, которое подчиняет себе весь распорядок жизнедеятельности индивида.

Такой определяющей деятельностью может быть учеба, работа, разного рода творчество (например, игра на музыкальных инструментах), нередко «запойное» чтение. При этом вся жизнь индивида подчиняется реализации этой деятельности, вплоть до репрессии витальных потребностей. Такие люди могут часами играть на гитаре, читать книги, работать, при этом забывая принимать пищу, соблюдать гигиену, вести общение с окружающими. Они часто заканчивают школы с золотой медалью, а вузы с отличием, в иерархии Всероссийского общества слепых они могут достигать значительных должностей. В целом, этот сценарий является более благоприятным, хотя и ведет к дисгармоничному развитию личности.

Особо следует отметить, что гиперкомпенсационные сценарии в развитии адаптивных паттернов наиболее характерны для мужской части обследуемых. Женщинам с глубокой патологией зрительного анализатора более свойственна компенсация дефекта за счет использования сохраненных сенсорных систем и внутренних ресурсов личности. По всей видимости, такое положение вещей связано с тем, что женщины в большей степени ориентированы на реализацию себя в семье.

В ходе исследования психологических профилей обследуемых, полученных в процессе психодиагностического этапа настоящего исследования, была обнаружена нестабильность показателей в психологических профилях мужчин с остаточным зрением, имеющих неблагоприятный прогноз патологии зрительного анализатора. Отмечается размах диапазона результатов по психодиагностическим шкалам, большое количество эксцессов в массиве психодиагностических данных, а также противоречия связанных показателей. Личностные профили этой группы обследуемых обладают высокой лабильностью. Природа данного феномена, по всей видимости, заключается в том, что человек находится «на перепутье». Дефект зрительного анализатора уже не позволяет функционировать в прежнем «зрячем» режиме, однако и к принятию себя как инвалида человек пока еще не готов. Ситуация усугубляется прогрессирующей патологией: индивид не уверен в своем будущем, не имеет возможности построения концепции жизненного проекта, постоянно сталкивается со стрессогенными ситуациями, которые во множестве продуцируются различными неудачами в процессе жизнедеятельности (невозможность осуществить доступные ранее операции, столкновения с предметами, агрессия окружающих). Дополнительным стрессогенным фактором является постоянный гнет ожидания индивидом собственной слепоты. В ходе индивидуальных бесед было отмечено, что обследуемые данной группы ожидают наступление

тотальной потери зрения подобно тому, как смертельно больные на терминальной стадии [4, с. 98] ожидают конца собственного существования. В некотором роде, слепота и есть конец существования в привычном режиме [1, с. 174]. Таким образом, к ощущению изоляции в условиях ограниченности бытия добавляется экзистенциальная тревога смерти [5, с. 114].

Аналогичная картина наблюдается у женщин с приобретенной тотальной слепотой. Наиболее тяжело потеря зрения переживается женщинами в возрастном интервале от 20 до 30 лет.

Результатом данной ситуации становятся повышенный уровень невротизации и тревожности, низкая эмоциональная устойчивость, обидчивость, повышенная чувствительность и различного рода фобические реакции.

В заключение, следует отметить, что люди с глубокой патологией зрительного анализатора остро нуждаются в новых методах их реабилитации и интеграции в жизнь общества, для чего представляется целесообразным проведение дополнительных научно-практических разработок по проблематике настоящего исследования, направленного на изучение путей адаптации незрячих в современном мире.

В ходе настоящего исследования удалось установить, что женщинам с патологией зрения присуща большая открытость и коммуникабельность, они легче идут на контакт, хотя порой попадают под чужое влияние. Мужчины же предпочитают по возможности ограничивать контакты рабочими вопросами, сохраняют закрытость в межличностных отношениях. Они склонны к точности, ригидности в деятельности. В большинстве ситуаций предпочитают работать в одиночестве.

Мужчины с патологией зрения более подвержены переменам настроения, легко расстраиваются и довольно легко утомляются в стрессогенных условиях. Однако в то же время они более чувствительны и обладают высокой склонностью к эмпатическим переживаниям. В особенности описанные свойства проявляются у людей с врожденной патологией зрительной системы, причем в меньшей степени у людей с сохранным светоощущением. Женщины с патологией зрения обладают гораздо большей эмоциональной стабильностью по сравнению с мужчинами.

В ходе исследования смысловых ориентаций было установлено, что локус контроля «Я» у женщин-инвалидов по зрению значительно снижен по сравнению с результатами нормальнозрящих людей и показателями данного параметра у мужчин с патологией зрения. Такие результаты свидетельствуют о высокой степени

зависимости женщин с патологией зрения от внешних обстоятельств. Они неуверенны в собственных силах и в большинстве своем полагают, что не могут контролировать собственную жизнь. Наблюдаются такие черты, как трудности с принятием решений, склонностью пускать события на самотек.

4. Заключение

В настоящее время на территории Российской Федерации действует система реабилитации инвалидов по зрению, которая была сформирована еще в советский период. За прошедший период реабилитационные, коррекционные и образовательные программы по работе со слепыми и слабовидящими людьми не претерпели значительных изменений. Основным недостатком систем реабилитации и образования инвалидов по зрению можно назвать их герметичность. Дети с патологией зрения проходят обучение в специализированных детских садах и школах, где контакт с нормальновидящими сверстниками сведен к минимуму. Во взрослом возрасте многие люди с патологией зрения трудоустраиваются на предприятиях всероссийского общества слепых. Культурные и спортивные мероприятия проходят на базе культурно-спортивных реабилитационных комплексов всероссийского общества слепых. Многие выпускники специализированных школ для слепых и слабовидящих получают педагогическое образование и работают в этих же школах. Также следует отметить, что коррекционные школы для слепых и слабовидящих, как правило, имеют формат интернатов, и, хотя учащиеся могут посещать занятия в «приходящем» формате, обычно из-за удаленности таких школ от мест проживания учащихся этого не происходит. Таким образом, человек с глубокой патологией зрения с детского возраста развивается и функционирует в условиях замкнутой социальной среды.

Ситуация усугубляется неадекватным отношением нормально-видящих людей. Нередки случаи, когда инвалиды по зрению подвергаются необоснованной агрессии со стороны окружающих. В большей степени ей подвержены люди с остаточным зрением. Это связано с тем, что по их внешнему виду в большинстве случаев невозможно сразу определить зрительный дефект.

К сожалению, в настоящее время, при составлении коррекционных и реабилитационных программ, а также в образовательном процессе и организации труда людей с глубокой патологией зрения гендерная специфика их личности не учитывается.

С учетом реалий современного мира необходима модернизация современной системы реабилитации инвалидов по зрению в сторону полноценной интеграции незрячих людей в жизнь всего общества.

Список литературы:

1. Бьюдженталь Дж. Ф. Т. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001 — 294 с.
2. Литвак А.Г. Психология слепых и слабовидящих. СПб.: Фоксис, 1999 — 336 с.
3. Рыжов Б.Н. Системные основания психологии // Системная психология и социология 2010. — Т. 1. — № 1, стр. 5. [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: http://systempsychology.ru/journal/n_1_2010/7-gyzhov-bn-sistemnye-osnovaniya-psixologii.html (дата обращения 10.02.2012).
4. Ялом И.Д. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2011 — 349 с.
5. Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999 — 321 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИВНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЖЕНЩИН С НЕТРАДИЦИОННОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ

Романкив Надежда Александровна

аспирантка ХНУ им. В.Н. Каразина,

г. Харьков

E-mail: nadezda5589@rambler.ru

Луценко Елена Львовна

канд. психол. наук, доцент ХНУ им. В.Н. Каразина,

г. Харьков

E-mail: lelu@list.ru

В современной Украине, проблема гомосексуальности перестала быть табу, она обсуждается на телевидении и в прессе. При этом кто-то к этому относится равнодушно, кто-то с отвращением, а кто-то не видит в этом ничего плохого [2]. Один человек может быть только гомо- или только гетеро-сексуалом, у другого же налицо лишь более гибкие сексуальные предпочтения [4]. Бисексуальность является более подвижной ориентацией, которая «переключается» из состояния бисексуальности на состояние неопределенности и обратно более часто, чем при четких лесбийской или гетеросексуальной ориентации [5]. В нашем более раннем исследовании украинских лесбиянок нами было найдено много отличий между лесбиянками и гетеросексуалками. Лесбиянки демонстрировали восприятие мужчин как слабых, женственных и не имеющих достаточной опоры в жизни, к тому же, лесбиянки отличались от гетеросексуалок более узкой гендерной идентификацией [1]. Целью данной статьи стало сравнение половой самоидентификации, выражающейся в «Проективном рисунке мужчины и женщины» женщин с однополой, двуполой и традиционной сексуальной ориентацией.

Процедура исследования. В исследовании приняли участие 79 женщин: 35 с традиционной, 29 с однополой и 15 с двойной сексуальной ориентацией. Возраст испытуемых: 20—55 лет, средний возраст гетеросексуалок — 28 лет, бисексуалок — 24 года, лесбиянок — 27 лет. Для изучения проективной самоидентификации использовался проективный тест «Нарисуй человека» К. Махвер в нашей модификации, с целью выявить неосознаваемые или скрыва-

емые характеристики самоидентификации и особенности восприятия мужчин и женщин. В рамках данного теста, исследуемых просили нарисовать на одном листе женщину, на втором — мужчину. Для статистической обработки результатов использовался непараметрический критерий сравнения двух независимых выборок U Манна-Уитни.

Обсуждение результатов. При обработке рисунков мужчины и женщины по каждому рисунку отдельно нами подсчитывалась встречаемость следующих признаков: маскулинность (широкие плечи, мужская фигура); отстраненность, отказ от общения (руки скрыты, скрещены на груди или упирающиеся в бока); недостаток опоры (слабые, неустойчиво поставленные ноги); несформированность половой идентификации (имеются признаки противоположного пола или отсутствие признаков пола); асоциальность (несовпадение с обычными стандартами изображения людей). За наличие каждого признака в рисунке начислялся 1 балл. Отдельно подсчитывались баллы по рисунку мужчины и женщины. В результате исследования были обнаружены следующие значимые различия.

Между женщинами с традиционной сексуальной ориентацией, и женщинами с однополой сексуальной ориентацией существует довольно большая разница в проективной самоидентификации и восприятии лиц противоположного пола. Женщины с традиционной сексуальной ориентацией изображают мужчин сильными и маскулинными, в то время как женщины с однополой сексуальной ориентацией изображают мужчин женственными и слабыми ($U=273,5$; $p<0,0001$). На рисунках мужчин и женщин, которых изображали женщины с однополой сексуальной ориентацией, значимо чаще встречаются признаки противоположного пола, то есть на рисунке мужчины признаки женщины ($U=294,5$; $p<0,0001$) и наоборот, на рисунке женщины признаки мужчины ($U=367,5$; $p<0,001$). Это может свидетельствовать о несформированной половой идентификации, а иногда даже и ее нарушениях. Данная особенность указывает на то, что женщины с однополой сексуальной ориентацией приписывают всем мужчинам женские качества, наделяют их фемининными признаками. Самим же лесбиянкам характерно выполнять в ходе текущей жизнедеятельности мужские задачи, играть мужские роли (что было обнаружено нами в ходе интервьюирования исследуемых во время рисования) и наделять женский рисуночный образ мужскими качествами.

Также было выявлено, что на рисунке мужчины у лесбиянок значимо чаще, чем у женщин с традиционной сексуальной

ориентацией, присутствуют признаки недостатка опоры ($U=297,5$; $p=0,002$). Такие особенности восприятия мужчин можно объяснить механизмом компенсации: так как лесбиянки не испытывают сексуального влечения к мужчинам, иногда они стараются их избегать, чтобы не быть для них объектом сексуального влечения, но главное — они конкурируют с мужчинами за любовь других женщин. То есть лесбиянки используют бессознательное «приращение» значимых качеств у мужчин, чтобы «выигрывать» в конкуренции. Именно поэтому лесбиянки изображают мужчину как человека неуверенного, со слабой опорой.

Кроме того было выяснено, что у женщин с однополой сексуальной ориентацией присутствует асоциальность как в рисунке женщины ($U=255,0$; $p<0,0001$) так и в рисунке мужчины ($U=252,0$; $p<0,001$), что свидетельствует об игнорировании или непонимании к социальным нормам. Действительно, лесбиянкам присуще равнодушие к социальным нормам, ведь в течение своей жизни они постоянно эти нормы нарушают, понимая и принимая свою нетрадиционную сексуальную ориентацию, которая является до сих пор окончательно не принятой социумом. Но и мужчин они воспринимают как асоциальных, что может свидетельствовать об их конфликте с социумом и внутреннем противостоянии по отношению к мужскому полу.

В сравнении бисексуалок и лесбиянок было выявлено, что бисексуалки считают мужчин не такими слабыми и неуверенными в себе, как это делают лесбиянки ($U=150,0$; $p<0,06$, тенденция достоверных отличий). Это можно объяснить, именно тем, что бисексуалки симпатизируют как женщинам так и мужчинам, поэтому и приписывают им недостаток опоры в меньшей степени, они больше доверяют и могут иногда полагаться на мужчин. Лесбиянки полагаются только на себя.

Женщины с традиционной сексуальной ориентацией изображают мужчин сильными и маскулинными, в то время как женщины двойной сексуальной ориентацией изображают мужчин несколько более женственными и слабыми ($U=200,0$; $p=0,095$, тенденция достоверных отличий).

На рисунках мужчин и женщин, сделанных женщинами с двойной сексуальной ориентацией, есть признаки противоположного пола, то есть на рисунке мужчины признаки женщины и наоборот, на рисунке женщины признаки мужчины. Это может свидетельствовать о несколько неопределенной или несформированной половой идентификации. Это может быть результатом того, что бисексуалки, имея сексуальное влечение к представителям обоих полов, несколько смешивают у них признаки маскулинности и фемининности.

Собственная двойная (чередующаяся) половая роль подталкивает их приписывать (проецировать) большую гибкость психологического пола другим мужчинам и женщинам.

Было выявлено, что женщины с двойной сексуальной ориентацией в отличие от гетеросексуалок, более асоциальны, что выражается в игнорировании стандартов при изображении человеческого тела ($U=185,0$; $p=0,023$). Также, как и лесбиянки, бисексуалки привыкли игнорировать мнение общества и тайно реализовывать свою нетрадиционную сексуальную ориентацию.

Подобные исследования проводились Д.Д. Исаевым [3] на гомосексуальных мужчинах. Полученные характеристики указывают на аналогичный механизм проявления нетрадиционной сексуальной ориентации в форме приписывания своему полу признаков противоположного пола. У гомосексуалов было выявлено наличие значительной представленности фемининной идентичности и женской пластичности рисунка, а что касается лесбиянок и бисексуалок, то им присуща более маскулинная идентичность и отсутствие женской пластичности в рисунке.

Выводы. В результате проведенного исследования обнаружено, что у женщин с однополой и двойной сексуальной ориентацией присутствует равнодушие к социальным нормам: ведь на протяжении своей жизни они постоянно эти нормы нарушают, имея нетрадиционную сексуальную ориентацию, до конца не принятую обществом. У них также больше признаков нечеткой половой идентификации в рисунках. Лесбиянки и бисексуалки воспринимают мужчин как менее маскулинных и сексуально дифференцированных, представляют их как не имеющих прочной опоры в жизни и асоциальных. В сравнении с лесбиянками, бисексуалки имеют более размытую половую идентификацию и менее склонны приписывать мужчинам недостаток опоры в жизни.

Список литературы:

1. Гавриляка Н.А. Луценко Е.Л. Психологические особенности женщин с однополой сексуальной ориентацией / Н.А. Гавриляка, Е.Л. Луценко // Материалы III международной научно-практической конференции «Теория и практика гендерных исследований в мировой науке» 5—6 мая 2012 г., г. Пенза, РФ. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://sociosphere.ucoz.ru/index/konferencii_2012/0-106.
2. Голубая книга. Положение геев и лесбиянок в Украине. — Киев: Нора-принт, 2000. — 126 с.

3. Исаев Д. Д. Особенности половой идентичности у лиц с гомосексуальной направленностью влечения // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. — 1994. — № 2.
4. Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. — М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. — 496 с.
5. Diamond L. Female Bisexuality From Adolescence to Adulthood: Results From a 10-Year Longitudinal Study / L. Diamond // *Developmental Psychology*. — 2008. — Vol. 44, №. 1. —P. 5—14.

СЕКЦИЯ 2.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ПЕДАГОГИКЕ

ИНТЕГРАЦИЯ ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ В ГЕРМАНИИ

Гривкова Елена Яковлевна

*аспирантка Института педагогического образования
и образования взрослых НАПН Украины, г. Киев
E-mail: grivkova@gmail.com*

Последнее время гендерные исследования стали неотъемлемой частью педагогической науки, а гендерная проблематика занимает значительное место в различных отраслях педагогики. Разработка гендерно-ориентированных подходов в образовании является новым шагом в развитии педагогической антропологии.

С момента возникновения человеческого общества жизнь женщин и мужчин сопровождалась постоянной борьбой полов за равноправие, за преодоление социального разделения на «мужские» и «женские» занятия и профессии. Истории известны периоды «матриархата» и «патриархата», когда один пол завоевывал первенство, всячески унижая противоположный, и пытался подавить его сопротивление. Многие правовые и социальные ограничения по отношению к одному из полов в дальнейшем закрепились в форме традиций, элементов религиозных верований, вошли в массовое сознание в виде предрассудков и стереотипов поведения.

Подобная ситуация характерна и для педагогической науки. Хотя исследование вопросов, связанных с профессиональным мастерством учителя и его педагогической культурой, является одним из ведущих направлений современной педагогики, большинство теорий предлагает универсальную бесполоую модель педагога, которая не учитывает особенности мышления, поведения и личностных качеств учителей-мужчин и учителей-женщин.

В то же время реализация гуманистического личностно-ориентированного образования возможна, если созданы благопри-

ятные условия для развития, самоидентификации и самореализации обоих субъектов образовательного процесса: учеников и учителей.

Таким образом, актуальность гендерно-ориентированного подхода в педагогическом образовании обусловлена реальными потребностями современного общества в подготовке учителей нового типа, способных реализовать себя профессионально и лично в педагогической деятельности, чего невозможно достичь без учета гендерных особенностей педагогической культуры учителя.

Объектами современных российских и украинских гендерных исследований в области педагогики являются методологические аспекты гендерно-ориентированного подхода в педагогике (Е. Каменская, Н. Ковальчук, О. Константинова, И. Костикова, В. Кравец, Н. Кутовая, Г. Лактионова, С. Рыков, Л. Столярчук, Л. Штилева и др.), гендерная социализация в образовании (Е.Р. Ярская-Смирнова), гендерная компетентность педагога (О. Анищенко, И. Загайнов), влияние гендерных стереотипов на воспитание и образование (Л. Надолинская), гендерные особенности профессиональной деятельности учителя — мужчины и учителя-женщины (Л.Ю. Орлова, С.В. Рожкова, Е.В. Чеканова) и другие.

Для эффективного внедрения гендерно-ориентированного подхода в образовании, по мнению российской исследовательницы Л.В. Штилевой, необходимо изучить факторы педагогической среды, влияющие на процесс формирования гендерной идентичности воспитанников, формы школьной работы, значимые для гендерной социализации, подготовить для этого педагогический персонал [2].

Проблемы интеграции гендерно-ориентированного подхода в профессиональную подготовку студентов высших педагогических учебных заведений изучает украинский исследователь И. Мунтян. Ученый доказывает, что сущность гендерно-ориентированного подхода находится в понимании его как новой гуманистически ориентированной образовательной парадигмы. Эта парадигма должна базироваться на признании ценности как мужской, так и особенно женской личности через преодоление устаревших стереотипов в понимании «мужского» и «женского» и предоставлении широких возможностей для ее (личности) самореализации во всех сферах жизни и деятельности. По мнению автора, «последовательная интеграция гендерно-ориентированного подхода в систему профессиональной подготовки студентов высших учебных заведений приводит к институализации нового — гендерного — компонента содержания высшего педагогического образования», понимание которого позволит осознать перспективы своих потенциальных возможностей каждым /

каждой выпускником / выпускницей для дальнейшего развития их личности и адекватного самоопределения в обществе [1, с. 15].

Учитывая стремление Украины стать органической составляющей мирового образовательного пространства, особое значение для украинской науки приобретает всестороннее изучение вопроса реализации гендерных аспектов в профессиональной подготовке учителей в современной Германии, потому что ФРГ является одним из самых влиятельных членов Европейского Союза, имеет высокоразвитую систему высшего образования в целом и акцентирует внимание на качественной подготовке педагогических кадров с учетом гендерно-ориентированного подхода и т. д.

Целью статьи является анализ основных научных разработок ведущих современных немецких ученых-педагогов в сфере гендерных исследований и освещение основных идей внедрения гендерно-ориентированного подхода в процесс профессиональной подготовки учителей в Германии.

В рассматриваемом контексте особенно значимы идеи гендерной педагогики, освещенные в работах ряда ведущих современных немецких педагогов-исследователей, внесших существенный вклад в становление и развитие гендерной педагогики Германии.

В частности, аспекты проблемы реализации гендерно-ориентированного подхода в образовательном процессе освещены в научных трудах А. Бредов (A. Bredow); закономерности относительно гендерных стереотипов в поведении девочек и мальчиков в современной школе выявлены М. Битзан (M. Bitzan); А. Кайзер (A. Kaiser) раскрыла вопросы гендерного воспитания в школьном образовании и уделила значительное внимание проблеме скрытого учебного плана; вопросы гендерного равенства в школьном образовании рассмотрены в работах М. Крюгер-Поттрац (M. Krüger-Potratz); проблеме гендерно-ориентированного подхода в педагогике посвящены труды М. Кунерт-Цир (M. Kunert-Zier); К. Хагеманн-Уайт (C. Hagemann-White) и Г. Фаульштих-Виланд (H. Faulstich-Wieland) раскрыли вопросы гендерной социализации молодежи.

Ученые А. Бредов (A. Bredow) и Г. Фаульштих-Виланд (H. Faulstich-Wieland) определяют гендер как сложный социокультурный конструкт, отражающий различия в ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках между мужчиной и женщиной. Кроме того, немецкие исследователи акцентируют внимание на том, что интеграция гендерно-ориентированного подхода в систему высшего образования Германии крайне необходима, поскольку гендерная сбалансированность в немецком обществе

является одним из индикаторов признания Германии как развитого государства [3; 4].

Следует ли считать результаты гендерных исследований составляющей процесса профессиональной подготовки учителей? Учет и интеграция гендерной проблематики в процесс профессиональной подготовки учителей в настоящее время является вопросом острой дискуссии среди ученых в Германии.

В начале 90-х годов немецкая исследовательница Эдит Глюмпер (Э. Glumpler) организовала первый Фленсбургский симпозиум «Значение результатов женских исследований для процесса профессиональной подготовки учителей», в котором приняло участие большое количество ученых из Германии, Дании и Австрии. В 1993 году эта ученая представила комплексное предложение об интеграции результатов исследований по женской проблематике в учебные программы профессиональной подготовки будущих учителей. Хотя ее предложения и разработанные ранее учебные модули были приняты и внедрены в практику некоторыми учеными, гендер и гендерная проблематика не воспринимались, как актуальные вопросы профессионализма учителей, и до настоящего времени эти вопросы не имеют четкого места в процессе профессиональной подготовки учителей. Эта тематика рассматривается очень часто пренебрежительно, как незначительная, дополнительная тема, «особая женская тема».

Другая немецкая исследовательница Д. Леммермьоле (D. Lemmermöhle), пытаясь дать ответы на спорные вопросы организации профессиональной подготовки учителей, а также на вопросы о важнейших компетенциях учителей, исходя из предмета, теоретических подходов и знаний о гендере и гендерных исследований утверждает: «Направленная на профессионализм, профессиональная подготовка учителей может отказаться от дискуссии относительно теоретических подходов и эмпирических результатов гендерных исследований, только при отказе от своей научности, а педагогическая практика только при отказе от требований демократии» [7, с. 324].

В рамках гендерно-ориентированного подхода большое значение также приобретает проблема реализации гендерной компетенции в высших учебных заведениях Германии, высветленная в работах Б. Либиг (B. Liebig), Е. Розенкранц-Фаллеггер (E. Rosenkranz-Fallegger), С. Нидерост (S. Niderost), Н. Амштуц (N. Amstutz) и В. Маерхофер (U. Meyerhofer).

По мнению ученых, гендерная компетенция предусматривает формирование у будущего учителя понимания предназначения

мужчин и женщин в обществе, их статуса, функций и отношений, способность к критическому анализу своей деятельности как представителя обусловленного гендера, а также знания о гендерных особенностях субъектов образовательного процесса и другие аспекты гендерной педагогики.

Под гендерной компетенцией исследователи Б. Либиг (B. Liebig), Е. Розенкранц-Фаллеггер (E. Rosenkranz-Fallegger) и Н. Амштутц (N. Amstutz) понимают образовательную компетенцию в области гендерных вопросов, охватывающую общекультурные, учебно-познавательные, коммуникативные, информационные и самоактуализирующие элементы [6, с. 43].

Также необходимо подчеркнуть, что гендерная компетенция педагога предполагает не только наличие знаний гендерной теории, но и определенное единство навыков, целенаправленных действий, формирование менталитета, который обеспечивает поведение на базе принципов равных прав и возможностей для представителей обоих полов.

Таким образом, проанализировав опыт выдающихся немецких ученых относительно интеграции гендерно-ориентированного подхода в образовательное пространство высшей школы, можно сделать следующий вывод: в начале XXI века система педагогического образования Германии продолжает активно реформироваться, проблема развития гендерно-ориентированного подхода в рамках системы образования остается достаточно актуальной.

Список литературы:

1. Мунтян І.С. Гендерний підхід у професійній підготовці студентів вищих педагогічних закладів: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд.пед. наук : спец. 13.00.04. «Теорія і методика професійної освіти» / І.С. Мунтян. — Одеса, 2004. — 20 с.
2. Штылева Л.В. Гендерный подход в школьном образовании — стратегический ресурс женского политического лидерства и демократии в России / Л.В. Штылева // Воспитание граждан нового поколения: гендерный подход в парламентском образовании школьников. — М.: Изд-во «МИК», 2003. — С. 10—13.
3. Ягремцева А.О. Гендерний підхід в освітньому процесі: порівняльний аналіз українського та німецького досвіду / Ягремцева А.О. // Педагогіка формування творчої особистості у вищій і загальноосвітній школах: зб. наук. пр. / Класич. приват. ун-т. — Запоріжжя, 2009. — Вип. 5. — С. 490—495.
4. Faulstich-Wieland H. Einführung in Genderstudien. — Verlag B. Budrich. — Stuttgart, 2006. — 232 S.

5. Glaser E. Handbuch Gender und Erziehungswissenschaft. Verlag Julius Klinkhardt / E. Glaser, D. Klika, A. Prengel. — Kempten, 2004. — 704 S.
6. Liebig B. Handbuch Gender-Kompetenz / B. Liebig, E. Rosenkranz-Fallegger, U. Meyerhofer. — vdf Hochschulverlag AG. — Zurich, 2009. — 144 S.
7. Lemmermöhle D. Gender und Genderforschung als Herausforderung für die Professionalisierung von Lehrerinnen und Lehrern // Beiträge zur Lehrerbildung. — 2001 — № 19(3). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — http://www.bzl-online.ch/.../BZL_2001_3_324-3 (дата обращения: 23.11.2012).

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗГОСЖЕНПУ

Юнусова Муновар Садыковна

*д-р пед. наук, вед. науч. сотр. научно-исследовательского института
Казахского государственного
женского педагогического университета,
Казахстан, г. Алматы
E-mail: munavar@mail.ru*

Тайшикова Каныш Жалидиновна

*ст. науч. сотр. научно-исследовательского института
Казахского государственного
женского педагогического университета,
Казахстан, г. Алматы
E-mail: bag.sun.tai@mail.ru*

В Казахстане гендерной образовательной политике придается большое значение. С первых дней Независимости Казахстан включил гендерные вопросы в качестве важнейшей составляющей государственной политики, и с каждым годом, по мере совершенствования социально-экономической структуры и демократических институтов, гендерная проблематика становится все более и более актуальной и значимой. Это во многом объясняется тем, что гендер с самого начала находится под пристальным вниманием Главы государства Н.А. Назарбаева. Именно по его инициативе была создана национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан. Это был очень важный шаг, который означал, что гендерные вопросы будут решаться продуманно, концептуально обоснованно, с помощью социально апробированных эффективных механизмов. Комиссия разработала

Национальный план действий, где предусматривались меры по экономическому и политическому продвижению женщин, защите репродуктивного здоровья мужчин и женщин, борьбе с насилием против женщин, гендерному образованию. Прежде всего была создана необходимая нормативно-законодательная база. Казахстан подписал основные международные документы по правам человека, в их числе — «Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации относительно женщин», положения которой стали составной частью национального законодательства.

Теоретические основы гендерной политики были проработаны в таких документах, как «Концепция гендерной политики» [3] и «Стратегия гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006—2016 гг.» [4]. В них дается основательный анализ гендерной ситуации в различных сферах жизнедеятельности казахстанского общества и намечаются конкретные меры по реализации гендерного равенства прав и возможностей женщин и мужчин.

Огромным достижением гендерной политики в Республике Казахстан стало принятие в 2009 году долго дискутируемых на всех уровнях гендерных законов, которые признаются как прорывные: «О государственных гарантиях прав и равных возможностей мужчин и женщин» [2].

Важно, что созданные нормативно-законодательные акты не остались только на бумаге, но превратились в эффективные инструменты национальной гендерной политики. Глава государства Н.А Назарбаев проявляет высочайшую активность в деле утверждения в стране не формального (де-юре), а реального (де-факто) равенства женщин и мужчин. Президент постоянно подчеркивает, что женщина — основа мира и согласия.

На женском масштабном форуме в марте 2011 года Президент страны Н.А. Назарбаев сказал: «Женщины Казахстана сыграли выдающуюся роль в становлении и укреплении Независимости страны, их забота о благополучии детей и внуков, стремление сохранять мир и согласие в семьях и во всем казахстанском обществе стали решающим условием всенародной поддержки и успеха реформ».

Успехи гендерной политики Республики Казахстан получили высокую оценку международного сообщества. Казахстан дважды отчитывался в Нью-Йорке перед постоянно действующим Комитетом СИДО по выполнению рекомендаций Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Международные эксперты единодушно признали нашу страну лидером в продвижении гендерного равенства не только в Центрально-Азиатском регионе,

но и на всем постсоветском пространстве. На посту председателя ОБСЕ в 2010 году Казахстан выделил политику гендерного равенства в один из приоритетов этой представительной международной организации и стал инициатором учреждения в ее составе нового поста личного представителя действующего председателя по гендерным вопросам.

Из всех составляющих гендерной политики, как подчеркивается в «Стратегии», определяющей следует считать гендерное образование. Именно в этой важнейшей сфере социализации личности появляется реальная возможность преодоления гендерных стереотипов и формирования современного гендерного самосознания, ориентированного на равенство прав и возможностей женщин и мужчин во всех сферах жизнедеятельности и, прежде всего, в семье. Для того, чтобы законы исполнялись, чтобы происходили существенные изменения в гендерной структуре труда, социальных отношений и политике, требуется, прежде всего, новая психология, новое самосознание, новая гендерная идентичность.

Именно в Казахстане на базе уникального учебного заведения — Казахского женского педагогического университета — был создан Институт социальных и гендерных исследований. Научная тематика Института сосредоточилась на двух основных направлениях: гендерная политика и гендерное образование. Для исследования этих актуальнейших вопросов имела прекрасная база. Во-первых: женский педагогический университет, во-вторых, прочные контакты с Национальной комиссией по делам женщин и семейно-демографической политики и, в-третьих, активное сотрудничество с женскими НПО и международными организациями.

Небольшой, но трудоспособный коллектив института социальных и гендерных исследований очень быстро заявил о себе на всех этих уровнях. Сотрудники провели мониторинги и (по материалам социальных исследований) составили «Социально-психологический портрет студентки КазГосЖенПУ» где основное внимание уделялось гендерным ориентациям и их положительной гендерной динамике в процессе обучения. Эти исследования, а также изучения теоретического пласта гендерной проблематики, позволили создать первый в Республике учебник «Основы гендерного образования» для педагогических кадров, где представлены теоретические принципы гендерных дисциплин, проблемы гендерной педагогики, социологии, психологии, политологии.

Кроме того, сотрудники разработали спецкурс «Гендер», где особое внимание уделили интерактивным методикам и гендерным

тренингам, способствующим расширению сознания и моделированию эгалитарных гендерных ценностей.

Также интересным опытом для сотрудников института социальных и гендерных исследований КазГосЖенПУ оказалась разработка и публикация учебно-методического пособия «Гендер» для непрерывного гендерного образования от дошколы, начальной школы и вплоть до старших классов. Данный УМК включает учебные пособия для воспитателей и учителей, хрестоматии и рабочие тетради для воспитанников детского сада, школьников и школьниц. Программа построена согласно единому концептуальному замыслу поэтапно с учетом возрастных особенностей. В ней осуществляются идеи формирования гендерных представлений от понимания гендера как индивидуальной характеристики к его толкованию в качестве культурно-исторической, социальной и политической категории. Материалы хрестоматий и задания в рабочих тетрадях носят интерактивный характер и опираются на богатый опыт казахской культуры и гендерные новации современного Казахстана.

В НИИ активно ведется также научно-исследовательская работа. Выполнен проект «Гендерная политика Республики Казахстан» — по линии МОН РК. По его материалам издана одноименная монография. При поддержке международных организаций исследован проект «Феминизация образования в Республике Казахстан» с опорой на социологические исследования, сочетающие методы количественной социологии (анкетирование, опросы экспертов) и качественной социологии (фокус-группы, полуструктурированные интервью). По материалам исследования издан обширный «Научно-аналитический отчет».

Кроме того, сотрудники НИИ по линии международных организаций участвовали в исследованиях по проекту «Формирование гендерно-толерантной обучающей среды». С этой целью были разработаны гендерные индикаторы для всех уровней образовательных учреждений: дошколы, школа и вуз. С использованием этих индикаторов был осуществлен анализ гендерных составляющих обучающей среды в пилотных школах и вузах Республики.

Сотрудничество с Национальной комиссией выразилось в том, что работники НИИ участвовали в разработке программных гендерных документов на национальном уровне: «Концепция гендерного образования», «Концепция гендерной политики» и «Стратегия гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006—2016 гг.». Кроме того, они осуществили гендерную экспертизу учебников для средней школы, результаты которой были

представлены в Комиссию. Важным национальным заказом стала гендерная экспертиза проектов Закона «Об образовании РК» и «Государственного стандарта образования».

Вся эта многогранная и многоплановая исследовательская, преподавательская и издательская деятельность стала основой для проведения в КазГосЖенПУ международных конференций и круглых столов по проблемам гендерного образования. Одна из последних представительных конференций «Гендерные аспекты социальной модернизации общества» [1] завершилась, как и все предыдущие, одноименным коллективным сборником.

Список литературы:

1. Гендерные аспекты социальной модернизации общества: материалы международной научно-практической конференции, Алматы, 18 мая 2012 г. / отв. ред. Д.Ж. Нукетаева. — СПб.: Изд-во КазГосЖенПУ, 2012.
2. Закон Республики Казахстан «О государственных гарантиях прав и равных возможностей мужчин и женщин». Астана, 2009.
3. Концепция гендерной политики в Республике Казахстан, 27 ноября 2003 года. — Астана, 2003.
4. Стратегия гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006—2016 гг., утвержденная указом Президента РК от 29 ноября 2005 года № 1677. — Астана, 2005.

СЕКЦИЯ 3.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ФИЛОСОФИИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ КАТЕГОРИЙ В ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Барашиян Валентина Карапетовна

ст. преподаватель, РГУПС, г. Ростов-на-Дону

E-mail: vbaras@rambler.ru

Интерес к полу всегда имел место в искусстве, науке, общественной жизни. Перемены, происходящие в современном социуме, в большей степени коснулись женщин, чем мужчин; они стали главным субъектом изменений в обществе. Долгое время мировое сообщество рассматривало термин «пол» только как биологическую категорию. С развитием феминизма появился новый термин — «гендер», который стал применяться для обозначения отличия «социального пола» от биологического и ознаменовал новый этап в развитии теории феминизма. Целью данной статьи будет попытка проанализировать выражение гендерных категорий в контексте истории философии.

Конструктивная роль гендерных различий может быть прослежена в философских текстах со времен классической античности, в которых категориальная двойственность текстовой аналитики повторяет половую асимметрию мифа. Как известно, античные философы (Платон, Аристотель) разграничивали рациональное (разум, душа) и природное (тело), проецируя на них маскулинное и феминное. Философы Средневековья (Филон Александрийский, Аврелий Августин, Фома Аквинский) поддерживали идею дуализма души и тела, придавая мужскому высший статус, а женскому — статус низшей субстанции.

В натурфилософии античности (5—6 в. до н. э.) мужское и женское рассматривалось через призму «космических полярностей» (день — ночь, жизнь — смерть, верх — низ и т. д.). По мере того как космология утрачивала свои ведущие позиции, преобладающим подходом в философском мышлении стала концепция бинарных

оппозиций, среди которых доминировала оппозиция разума и тела. Разум приписывался мужскому началу и ассоциировался с такими качествами как рациональность, активность, духовность, а тело — женскому, которое соотносилось с такими характеристиками как нерациональность, пассивность, чувственность и т. д. Подобная бинарная оппозиция отражает подчиненное положение женщин в социуме, подчеркивает их несовершенство, слабость и ущербность.

Дуализм прослеживается и в греческой философии (6 в. до н. э.), в пифагорейской таблице, отражающей картину мира через основные бинарные противоположности. Она включает 10 пар противопоставлений: добро и зло, правое и левое, дух и материя, порядок и хаос, разум и телесность, мужское и женское и т. д. При этом, те категории, которые ассоциировались с мужским началом (добро, правое, дух, порядок, разум и т. д.) доминировали над теми, которые приписывались женскому (зло, левое, материя, хаос, телесность и т. д.). В рамках древнекитайской философии данный принцип выражается через гендерные концепции инь и ян, составляющие учение о взаимодействиях крайних противоположностей и отражающие единство и борьбу мужского и женского начал. Принцип дуализма, являющийся характерным для античных философов, подчеркивает противоречивость их взглядов на женщин.

Анализируя категории маскулинности и феминности, христианские философы и теологи отмечают, что духовное равенство стало невозможным вследствие грехопадения людей, что, в свою очередь, привело к возникновению социальной иерархии, результатом которой явилось подчинение женщины мужчине. Рассматривая репрезентацию гендерных категорий в данной рефлексии, можно отметить доминирование концепций философов восточно-христианской школы (Святой Григорий Нисский, Святой Максим Проповедник, Иоанн Скотт Эригена). В целом, теологи восточно-христианской ветви полагали, что объединение мужских и женских начал воссоздает образ Бога в человеке, а разделение людей на два пола — это физическое, а не духовное бытие, так как в царстве Божьем половая дифференциация человека исчезает [1, с. 207]. Особый интерес вызывает концепция Эригены о делении человечества на два пола, которое произошло в результате разрушения целостности природы человека. В этой концепции Адам является символом духовно-разумной человеческой природы, а Ева — греховной, так как соблазнивший ее змий — не что иное, как ее чувства, эмоции и неразумная душа.

Католическая церковь отвергла идеи Эригены, однако, они отразились в оккультных науках Средневековья и Возрождения.

Так, средневековые алхимики, представляя весь мир как некую единую Первоматию, соединяющую все противоположности, включая мужские и женские начала, полагали, что именно она способна перенести человека из смертного физического состояния в бессмертие. Для этого алхимик должен был придать душе качества Первоматери, а после отделения женских качеств наступало «заключение химического брака», где в ходе синтеза мужских и женских характеристик человек становился бессмертным как Бог, а его душа рассматривалась как «философский камень» [2, с. 37].

Западно-христианская теология вообще не рассматривала женское начало в своих философских трудах, так как оно ассоциировалось с нечто извращенным и грязным.

Схоластика христианской философии усилила негативное отношение и восприятие женщин, абсолютизируя при этом патриархатную власть. Фома Аквинский сравнивал мужчину с Богом, который символизирует и начало и конец всему, а женщина необходима только в качестве помощника мужчине и для продолжения рода [8, с. 879]. Подобное отношение к женщине наблюдается и во время господства гностической ереси во всей Европе. Стали популярны призывы к безбрачию, идеи женоненавистничества, что в итоге привело к началу масштабной и жестокой расправы над женщинами, которое вошло в историю человечества как «охота на ведьм».

Менее жестким было отношение к женщине в период схоластики. Предполагалось, что в соответствии с Божественным планом, она может быть наделена определенными функциями. Но, если в патристике допускается, что женщина, преодолев свою греховную природу, может достичь равенства с мужчиной, то в схолистике ее подчиненный социальный статус является необратимым вследствие ее природного естества. В философии схоластики статус женщины может быть приравнен к статусу вещи, находящейся в распоряжении мужчины (например, каких-либо орудий труда). Тем самым происходит абсолютизирование патриархатной власти в социальном контексте, ее приравнивание к власти Бога.

Эпоха Возрождения привнесла некоторые изменения в женский вопрос и в отношения к женщинам. В этот же период возникают социалистические концепции равноправия мужчин и женщин Томаса Мора («Золотая книга») и Томмазо Кампанеллы («Город Солнца»), в которых женщины наравне с мужчинами получают образование, служат в армии, являются должностными лицами и даже священниками и т. д. Однако чтобы занимать равное с мужчинами положение

в обществе, женщины должны были принять мужские стандарты, что имплицитно выражает доминантность мужского начала.

В Новое время Ф. Бэкон, рассматривает природу как механизм и при этом науке отводит особую роль. Используя в данном контексте «метафору пола» для выражения своих философских идей, он соотносит природу с женским концептом, а разум и науку — с мужским. Преобразование природы, «победа» над ее слепыми силами становится главной тенденцией эпохи становления социального института науки, что ассоциируется с темой гендерного распределения сфер разума и неразумия. Философ К. Мерчант в подходе Ф. Бэкона увидела «смерть природы», так как в отличие от философов античности и средневековья, Бэкон рассматривает природу как мертвую, бездушную сферу, которую можно изменить, переделать как угодно, а также управлять ею, покорять и т. д. [7, с. 87]. Таким образом, познание-разум-мужчина утверждает свою власть и подчиняет природу-женщину. Главная идея подобного мира — отчуждение от природы, от женского начала.

Однако в период религиозной Реформации появились новые подходы и иные ценности в обществе. Так, Мартин Лютер допускал равенство верующих мужчин и женщин, полагая, что именно через свои поступки и действия в повседневной жизни человек «зарабатывает» свое индивидуальное спасение. Возникает новый тип человека, который является приверженцем морали, чья личность более самостоятельна и автономна. В обществе Нового времени ослабевает религиозное влияние и устанавливается действие прав и законов [4, с. 34]. Подобные концепции привели к возникновению идеи о равенстве людей во многих сферах общества: религиозной, социальной, политической и т. д. Следует отметить, что проблема равноправия женщин содержала много противоречий. Ряд философов (Вольтер, Дидро, Монтескье, Гельвеций и др.), с одной стороны, полагали, что женщины могут получать качественное образование, принимать участие в общественной жизни и подчёркивали, что несправедливо воспринимать женщину как низшее, неразумное существо. С другой стороны, ни один из философов данной эпохи не считал нужным наделять женщину правами гражданского и политического общества, так как она ассоциировалась с Природой и находилась вне рационального общества.

Ж.-Ж. Руссо, основоположник теории гендерно дифференцированного воспитания, выступая против женской эмансипации, поддерживал идеи патриархата. Основная задача женщины — обустроить быт мужчины и воспитывать детей, т. е. заниматься

семейными обязанностями, находясь под непрерывным мужским контролем и надзором, т. е. в подчинении у мужчины. Эту идею, как известно, поддержал Гегель, рассматривавший женщину вне гражданского общества, а приватный мир женщин считавший «низшим миром».

Не менее значимый в гендерных исследованиях другой представитель немецкой классической философии И. Кант на примере семьи, которая, как известно, является важным институтом общества, изучал категории феминности и маскулинности. Хотя мужское и женское начала при образовании гармоничной пары представляют собой определенное единство, феминное согласно западным философским концепциям конструируется как вторичное, низшее по статусу, пассивное, подчиненное маскулинному. Женщины, характеризующиеся как пассивные граждане, являются объектами, а активные граждане — мужчины — субъектами социума и его политической сферы [3, с. 188].

Анализируя исторический профиль репрезентации гендерных категорий, следует отметить, что, именно в эпоху Просвещения, были сформулированы положения в защиту прав женщин и были выдвинуты идеи о женской эмансипации. Мери Уоллстонкрафт в своей работе «В защиту прав женщин» использовала концепцию английского философа Дж. Локка о равноправии «всех граждан» общества. Женщины должны были доказать, что они являются рациональными субъектами, как и мужчины, а их чувственность или неразвитость разума предопределены скорее социальными факторами, чем природными. И прежде чем лишать их права «участия в естественных правах человечества» необходимо доказать, что «они лишены разума» [6, с. 75].

Философия романтизма расставила иные акценты в гендерной проблематике. Чувственность, чувственное переживание — традиционно женские характеристики — стали приоритетными; развивался культ женского. Однако наряду с женской фигурой в метафизике романтизма появляется фигура романтического мужчины-гения. В процессе романтического творчества именно ему отводится активная роль, а женщине — пассивная. Женщина выполняет символическую роль, служит источником вдохновения, пассивной музой для мужчины-гения. Таким образом, в метафизике романтизма патриархатные отношения сохраняют свою доминантную позицию, несмотря на культ женских характеристик.

В «философии жизни» (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, П. Вейнингер) получило концептуализацию неприкрытое женоненавистничество,

сопряженное с крайне нелестными отзывами о женщинах, с даваемыми им уничижительными характеристиками. Только мужчина в философских трактатах обладает всеми необходимыми качествами для перевоплощения в «сверхчеловека». Удел женщины, никогда не могущей стать «сверхчеловеком» в силу своей природы, — существование для мужчины. Подчеркивается, что женщина не является личностью, лишена возможности познать истину, так как она мыслит поверхностно.

В неклассической философии Ницше пересматриваются статусы духовного и телесного. Телесность является активным, социальным и культурным качеством, в то время как разум — пассивным. Так как традиционная метафизика соотносит телесное с категорией феминности, в неклассической философии Ницше переоценивается статус женского, исключается возможность господства патриархатных отношений. Таким образом, теория тела Ницше способствовала возникновению концепции телесного феминизма.

Ряд философов (Жак Деррида и др.) подчеркивали, что феминистская теория Ницше подрывала патриархатные устои, сложившиеся в классической философской традиции. Если субъективность в традиционной философии обладает унитарной, ригидно-структурированной, рациональной характеристикой, то у Ницше она является многоструктурной, исключая социальные, нормативные и гендерные идентичности. В современной феминистской теории подобная субъективность является индикатором женской эмансипации, которая отвергает гендерные стандарты и стереотипы, обусловленные патриархатной культурой.

Негативная роль приписывается женщине и женской сексуальности и в психоанализе. Страх по отношению к матери стал основой психоаналитического объяснения патриархата. З. Фрейд считал, что все, на что способна женщина — это деторождение, охарактеризовав ее как неполноценное существо. Феминистское декодирование психоаналитических текстов обнаружило немалое число противников психоанализа. С. Де Бовуар, К. Миллет полагали, что психоанализ Фрейда служит «одним из инструментов подавления женщины». Ряд исследователей (Дж. Митчелл, Ж. Гриер и др.) рассматривали психоанализ не как «инструмент подавления женщин», а как средство, способствующее понять процессы внутри патриархата и как средство борьбы против угнетенного положения.

Длительный исторический опыт борьбы женщин за свои права послужил толчком к возникновению в конце 19 — начале 20 в. нового движения — феминизма. Феминизм, яркими представителями

которого были Симона де Бовуар, Б. Фридан, Л. Иригарэй и другие, стал широким социальным движением за права женщин. Симона де Бовуар, казалось, пытается изменить положение женщины к лучшему, преобразовать ее социальный статус. Однако женщина рассматривает женскую сущность, ассоциируя ее с природой, наделяя инертными качествами, «нецивилизованностью» в мире повседневности, в то время как мужская деятельность является «цивилизованной», главной [5, с. 77]. Сравнения, проводимые между мужчинами и женщинами Симоной де Бовуар, оказываются не в пользу женщин. Постструктуралистский феминизм также подверг критике эгалитарную концепцию Симоны де Бовуар, аргументируя тем, что женщинам нет необходимости отождествлять себя с мужчиной, чтобы добиться социального равенства полов.

Значимый вклад в феминистское движение внес суфражизм, главными концепциями которого были борьба женщин за юридическое равенство и получение избирательных прав.

Что касается концепций современного феминизма, исследователи выделяют несколько направлений: деконструктивизм Ж. Дерриды и постструктуралистский феминизм, трансформировавшие основы традиционных бинарных оппозиций. Эти два направления переосмыслили традиционную бинарную парадигму оппозиций дух-тело, разум-душа и т. д. В этом ключе самыми влиятельными оказались две концепции: концепция тела Мишеля Фуко и концепция желания Жюльена Делеза.

Концепция тела Мишеля Фуко рассматривает тело как социальный конструкт, где гендерные различия являются не биологическими, а социально сконструированными, продуктом действия властных стратегий. Именно властные структуры являются источником зарождения гендерного неравенства в обществе.

Концепция Жюльена Делеза акцентирует то, что именно желания являются средством производства или трансформации субъективности.

Активно занимались гендерными исследованиями и сторонники марксистской школы. Марксистская концепция эмансипации женщин указывала на то, что именно класс является главной социальной категорией, через которую выражается структура общества и посредством которой происходит дифференциация гендерных ролей. Сторонники марксистской концепции К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин, А. Коллонтай полагали, что только победа в социалистической революции приведет женщин к равенству с мужчинами. При этом женщины не должны преследовать свои, отдельные от мужчин, интересы, а должны всецело их поддерживать и быть «союзником»

мужчинам в этой борьбе. Позднее установившийся тоталитарный режим провозгласил идеи равноправия женщин и мужчин. Хотя социалистический строй камуфлировал гендерное неравенство в Советском Союзе, оно все же проявлялось в общественном разделении труда. Женщин было больше занято в низкооплачиваемых и менее престижных профессиональных сферах, она была ограничена в карьерном росте. Также отмечается низкая политическая активность женщин в советском обществе, а осуществляемая ими деятельность считалась второстепенной. Таким образом, маскулинное начало и патриархатные отношения только укрепились в советском государстве.

Анализируя современный социум, можно заметить, что социальная активность женщин возрастает, наблюдается их ресоциализация, происходит изменение устоявшихся гендерных стереотипов. Хотя женщины современного общества могут преуспеть в профессиональной сфере, быть высокообразованными, занимать руководящие должности, однако, они должны придерживаться традиционной модели феминности, демонстрировать женственность, приверженность семье, слабость, что является показателем вторичности женского бытия и господства мужчин.

Таким образом, можно выделить главную тенденцию античной, средневековой, нововременной философии — легитимацию гендерной асимметрии. Разные сообщества характеризуются различными гендерными отношениями, но почти везде наблюдается господство одного пола над другим. Различие маскулинного и феминного конструируется как принципиальное изначальное неравенство человеческих ресурсов и возможностей.

Список литературы:

1. Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скотта Эригены. СПб., 1998. — С. 207.
2. Введение в гендерные исследования. Под ред. Костиковой И.А. М.; МГУ, 2000. — С. 37.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Избранное. Калининград, 1998. — С. 188.
4. Фурман Д.Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1980. — С. 34.
5. Эльштайн Дж.Б. Императивы частного и публичного // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы // под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. СПб., 2000. — С. 77.

6. Mary Wallstonecraft. A Vindication of the Rights of Men, with a Vindication of the Rights of Women and Hints // edited by Sylvana Tomaselli. Cambridge University Press, 1995. — P. 75.
7. Merchant C. The Death of Nature: Women, Ecology and the Scientific Revolution. San Francisco, Harper and Row, 1980. — P. 87.
8. Saint Thomas Aquinas. Basic Writings Vol. 1, Summa Theologica. New York: Random House, 1945. — P. 879.

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Риккер Юлия Олеговна

аспирантка, ЗабГУ, г. Чита

E-mail: yriker@mail.ru

Гендерная идентичность, в силу своей междисциплинарности, является объектом исследования разных наук, в том числе и гендерной антропологии. Кросс-дисциплинарность [7] понятия «гендерная идентичность» позволяет говорить о схожести проблематики гендерной антропологии и философской антропологии в контексте изучения феномена идентичности. Гендерная антропология, как в равной степени и философская антропология, связаны с проблемами антропоцентризма сквозь призму проблем андроцентризма современной культуры. Гендерная антропология изучает круг взаимосвязанных проблем — проблема андроцентризма в современной культуре и проблема признания человека в социокультурной среде с позиции привнесения категории «гендер» в научный анализ. Концептуализация феномена «гендерная идентичность» с позиции философской антропологии в первую очередь будет заключаться в рефлексии природы человека с позиции гендерного анализа как андроцентризма, так и самой сути социальной сущности человека, определяя и формируя его отношение к себе, другим членам общества, во многом с позиции гендерных стереотипов, формируемых, в том числе, и андроцентристскими универсалиями.

Под универсалиями культуры условимся понимать тот нормативный и аксиологический потенциал, присутствующий в культуре на всех этапах ее развития и несущий всеобщий характер. Таким образом, в рамках нашего исследования такой общекультурной

универсалией будем считать андроцентризм [4]. Андроцентризм представляет собой такую культурную универсалию, сводящую общечеловеческую субъективность к единой мужской норме как объективной общесоциальной универсалии, тогда как женские нормы воспринимаются обществом как маргинальные. Так, Дж.П. Мердок полагал: «Кросс-культурное исследование зиждется на убеждении, что все человеческие культуры, несмотря на их разнообразие, имеют в основе своей много общего и что эти общие аспекты культуры поддаются научному анализу» [8, с. 80]. Таким общим аспектом является андроцентризм, формирующий не только общесоциальную объективность, но и отношение индивидов к ней.

Одним из важных принципов культуры помимо прочих является и адаптивность культуры. «Культурные изменения и сам процесс изменения, очевидно, столь же адаптивны, как и эволюция в органическом мире... культура адаптируется к социальной среде соседних народов посредством заимствований и реорганизации. И наконец, культура, вне всяких сомнений, имеет тенденцию приспосабливаться к биологическим и психологическим потребностям человеческого организма. По мере изменения условий жизни традиционные формы утрачивают ауру удовлетворения и исчезают; возникают и дают о себе знать новые потребности, а вслед за ними — приспособленные к ним новые культурные механизмы» [8, с. 81]. Существование в условиях любой культуры представлений о существовании концептов «настоящий мужчина» и «настоящая женщина» подразумевает под ними определенный идеал, стереотипизированный и, безусловно, культурно обусловленный. В силу андроцентричности современного мира уместным будет заострить внимание на понятии «гегемонная маскулинность», введенная в терминологическое поле гендерных исследований Робертом Коннеллом. Данное понятие описывает тип «правлящей» маскулинности, той маскулинности, которая находится на иерархической вершине общества; разделяема преобладающей частью общества, чувствующей единство по расовым, социальным, культурным и гендерным признакам [6, с. 597]. Гегемонная маскулинность — это идеальный паттерн, жестко структурированный и социально поощряющий следование ему. По мнению Майкла Киммела гегемонная маскулинность — это тип маскулинности мужчин, обладающих властью, властью как над женщинами, так и над подчиненными мужчинами (то есть тех мужчин, модели маскулинности которых являются маргинализованными — это могут быть социальные, культурные, этнические и сексуальные меньшинства). В таком случае, гегемонная

маскулинность не является только доминантной маскулинностью, тогда как доминантная феминность не может быть гегемонной. Репрезентируется гегемонная маскулинность культом физической силы, агрессивностью, склонностью к насилию и подавлением эмоций [2]. По мнению Киммела, культурная обусловленность понятия «маскулинность» напрямую влияет на уровень насилия в обществе. Определение мужественности имеет существенное воздействие на склонность мужчин к насилию. Чем жестче структурированы в обществе маскулинные черты, чем сильнее дифференцированы понятия мужественность и женственность, тем выше в этом обществе уровень мужского насилия [2].

Доминантная модель маскулинности/феминности определяется, по меньшей мере, следующими основными признаками: она разделяется подавляющей частью общества, задает границы социально приемлемого поведения, стремление соответствовать данной модели социально поощряется. Однако же, несмотря на существование подобных гендерных паттернов в любой культуре, на современном этапе развития общества все чаще можно фиксировать несоответствие доминантной модели маскулинности/феминности в поведении индивидов. Дело в том, что доминантные модели отражают суть биполярной модели гендерной идентичности, тогда как актуальной является мультиполярная модель гендерной идентичности.

Биполярная модель более характерна для обществ с традиционной системой ценностей и неприменима в условиях размывания культурно обусловленных границ категорий «женское-мужское». Опираясь на тот факт, что мировой культурной универсалией является андроцентризм, общество сталкивается с таким явлением как обезценивание истинно «фемининных» черт. Учитывая заметно возросший уровень внесемейной женской инициативы общество столкнулось с тем, что тип «фемининной женщины» оказывается менее универсальным, в связи с тем, что классические характеристики фемининного типа (фемининный вариант предполагает «...»«экспрессивные» характеристики личности: скромность, исполнительность, конформность, преданность, способность к состраданию, гибкость, эмпатия, склонность к кооперации и компромиссам» [1]) неприменимы (либо трудноприменимы) к жизни в условиях современного общества. Логичным было бы предположить, что данный процесс не является универсальным и будет культурно и территориально обусловлен.

Структура гендерной идентичности неоднозначна; наиболее уместны и логичны две теории. По мнению И.С. Клециной в структуре

гендерной идентичности можно выделить следующие компоненты: когнитивный — осознание принадлежности к определенному полу и описание себя с использованием категорий мужественности-женственности; аффективный — оценка психологических черт и особенностей ролевого поведения на основе их соотнесения с эталонными моделями маскулинности-фемининности; конативный — самопрезентация себя как представителя гендерной группы, способы разрешения кризисов идентичности на основе выборов вариантов поведения в соответствии с лично значимыми целями и ценностями [3]. В модели, разработанной Иганом и Перри выделяется пять компонентов гендерной идентичности: знание своей гендерной принадлежности, гендерная типичность (воспринимаемая степень сходства с представителями собственного пола), удовлетворенность своей гендерной принадлежностью, ощущаемое давление со стороны сверстников, родителей и собственной личности в сторону соответствия гендерным нормам и внутригрупповая предвзятость (представление о превосходстве своего пола над другим).

В рамках двух этих концепций, не смотря на компонентные различия, возможно выделить общие черты и сформулировать общую структуру гендерной идентичности с учетом достоинств и недостатков этих двух теорий. Во-первых, ядром гендерной идентичности является осознание своей принадлежности к конкретному полу. Эта позиция подразумевает самоидентификацию, причем биологический пол на данном этапе будет равен гендерной идентичности. Во-вторых, формирование позиции «Мы-Они», когда типичность черт поведения позволяет разграничивать представителей своего гендера с противоположным. Этот элемент структуры гендерной идентичности уже социально и культурно окрашен, в отличие от первого, поскольку именно поведенческий аспект, в отличие от самоидентификационного несет в себе социокультурную окраску. Третьей позицией уместно будет заявить презентацию своей гендерной идентичности, основанную на выражении своей гендерной идентичности социально-приемлемыми способами. Четвертая позиция — позиция формирования удовлетворенности/ неудовлетворенности своей гендерной идентичностью. В случае неудовлетворенности возникают кризисные состояния. Пятая позиция — момент внутригрупповой солидарности, базирующийся на доминантности автостереотипов.

Таким образом, гендерная идентичность является социально, культурно и лично обусловленным аспектом человеческой самоидентификации, формирующейся с учетом самосознания

и самопрезентации себя как носителя определенной гендерной идентичности.

Список литературы:

1. Великанова Л.П. Мультиполярный подход в типологии гендерной идентичности. [Электронный ресурс] — Режим доступа: — URL: klgtu.ru/ru/magazine/2008_13/33.doc (дата обращения 12.10.2012).
2. Киммел Майкл. Гендерное общество. [Электронный ресурс] — Режим доступа: — URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kim/mel.htm (дата обращения 12.10.2012).
3. Клещина И.С. Гендерный подход и равноправие в межличностных отношениях. [Электронный ресурс] — Режим доступа: — URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kletsina/woman_37.html (дата обращения 12.10.2012).
4. Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. 267 с.
5. Ожигова Л.Н. Гендерный подход в социально-психологических исследованиях. Краснодар, 2001. С. 31—32.
6. Connell R.W. The Big Picture: Masculinities in Recent World History // *Theory and Society*. Vol. 22, № 5, Special Issue: Masculinities. October. 1993. P. 623.
7. Lessy R.E. The Practical Humanities, in Lepage, P.G., Martin C., Mostafavi M. (eds.) *Do The Humanities Have to Be Useful?* // Cornell: Cornell University Press, 2006. P. 87—90.
8. Murdock G.P. *Culture and Society*. Pittsburgh, 1965, p. 231.

ОТРИЦАНИЕ КАК ПРИНЦИП СТАНОВЛЕНИЯ МУЖЧИНОЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Хитрук Екатерина Борисовна

канд. философ. наук, НИ ТГУ, г. Томск

E-mail: lubomudr@vtomske.ru

Под воздействием так называемой «второй волны» феминизма во второй половине XX века зарождается совершенно новая область исследований. Данная область проблематизирует сущность мужчины, то есть тот эталон маскулинности, который фундирует общие условия социализации мужчин и их жизнедеятельности. Инициаторами «мужского вопроса» выступают сами мужчины, которые постепенно приходят к осознанию того, что их глубинные личностные потребности, а также объективно меняющиеся социальные условия не совместимы с традиционным представлением о «настоящей мужественности». Классический «канон маскулинности» ставится под сомнение, в результате чего обнаруживается его крайняя противоречивость и принципиальная недостижимость.

Одним из самых значительных достижений мужских исследований становится «открытие» мужского пола, то есть осознание того факта, что мужчина представляет собой не человека вообще, но человека, обладающего определенными половыми характеристиками, зависящего от культурных представлений о том как должен себя вести и, вообще, что должен собой представлять мужчина. В самой же традиционной культуре образ мужчины часто отождествлялся с образом человека как такового, человека «вообще», специфическим отклонением от которого признавалась женщина. Как отмечает Сандра Бем в своей знаменитой книге «Линзы гендера», «мужчины и мужской опыт воспринимаются как нейтральный стандарт или норма, а женщины и женский опыт воспринимаются как отклонение от нормы, обусловленное спецификой пола. Поэтому к мужчине относятся не как к лучшему, а к женщине — как худшей, а, скорее, с мужчиной обращаются как с человеком, а с женщиной — как с «другой»» [2, с. 34]. Другими словами феминистское движение и гендерная теория выявляют и оформляют маскулинность как отдельный специфический предмет исследования, который в современной культуре подвергается ряду существенных трансформаций.

Что же представляет собой классический эталон «настоящего мужчины»? Французская исследовательница Элизабет Бадентэр

выделяет два главных определяющих фактора традиционной маскулинности: становление и отрицание.

1. Становление. Э. Бадентэр, обращаясь к анализу употребления категории мужественность в языке, а также сопутствующих этой категории характеристик, приходит к выводу о том, что маскулинность не может быть понята как некоторая биологическая данность, которой определенная группа индивидов обладает с самого рождения или которую обретает в процессе естественного развития. «Наша обыденная речь, — пишет Э. Бадентэр, — выдает наши сомнения, а порой и тревоги, когда мы говорим о мужественности как о цели и долге. Так часто звучащий призыв «Будь мужчиной!» означает, что это не происходит само собой, что мужественность не так уж, по-видимому, присуща природе мужчины, как это принято считать. Быть мужчиной предполагает определенную работу, чего не требуется от женщины, чтобы быть женщиной. Таким образом, мы как бы безотчетно признаем, что женственность есть нечто естественное, следовательно, неоспоримое, в то время как мужественность предстоит еще приобрести, и что это обойдется недешево» [1, с. 11—12]. Иными словами, далеко не каждая особь мужского пола может быть названа мужчиной, но только та, которая осознала мужественность как свой высший *долг* и *доказала* свое право обладать этой характеристикой посредством преодоления определенных, в зависимости от культуры более или менее драматичных, *испытаний*. Таким образом, можно утверждать, что определяющим моментом в содержании эталона маскулинности является становление мужчиной, то есть цело жизненный процесс обретения статуса «настоящего мужчины». Другими словами, мужественность является не биологической данностью, а культурной, дискурсивно обусловленной, заданностью.

2. Отрицание. Общим для всех способов становления мужчиной является их подчеркнуто отрицающий характер. Отрицание же, в свою очередь, предполагает наличие Отрицаемого или Другого, через отмежевание с которым само становление оказывается возможным. Э. Бадентэр выделяет три главных образа Другого, которые необходимы для становления мужчины: ребенок, женщина, гомосексуалист. Ребенок, выношенный в материнском лоне и первые годы проведенный в женском окружении еще не дистанцирован от женского начала. Гомосексуалист так же может считаться человеком, не обретшим достаточного уровня дифференциации в отношении женского, поскольку для традиционной культуры превосходство над женщиной подтверждается ее подчиненным

положением в обществе и, главное, в семье: «Иметь женщину, чтобы не быть женщиной» [1, с. 158]. Таким образом, все три момента отрицания могут и должны быть сведены к одному, а именно: к женскому началу. Мужчина — тот, кто посредством множества испытаний во все периоды своей жизни последовательно обосновывает свое принципиальное отличие от женского пола. Это значение Женщины как необходимого для становления мужчины. Другого настолько велико, что, например, С.А. Ушакин, считает возможным переименовать мужественность в муже(N)ственность. Так, С.А. Ушакин замечает, «Именно эта постоянная потребность в Другом, именно эта радикальная (или радикализованная?) оппозиционность женственности, с помощью которой мужественность поддерживает видимость своей категориальной самостоятельности, и превращает ее в муже(N)ственность, где неизвестность N одновременно является источником и постоянного беспокойства, и постоянной потребности в иллюзорной реставрации никогда не существовавшей «целостности», будь то целостность понятия или целостность идентичности» [4, с. 205].

Итак, категория мужественности предполагает в качестве своего неотъемлемого атрибута *становление*, которое в свою очередь может быть осуществлено только через *отрицание* другого (женского начала). Поэтому женское выступает условием мужского и как эталон должно формировать таких индивидов, которые оттеняли бы мужские достоинства и через отрицание и подчинение себя помогали другим индивидам становится «настоящими мужчинами».

Отрицание феминного как принцип становления мужчиной предполагает разные формы дифференцирования. Игорь Кон обращает внимание на то, что некоторые из них вступают друг с другом в явное противоречие. Например, это может быть отнесено к традиционной модели фалло-, лого- центризма как основания маскулинности. С одной стороны, мужчина — тот, кто действительно и постоянно отрицает и преодолевает женскую модель сексуальности, то есть подтверждает свою сексуальную мощь в активном овладении женскими телами. С другой же стороны, мужчина — тот, кто воплощает собой некое разумное превосходство над всем чувственным и материальным. Однако разумная сдержанность и рассудительность не может быть реализована в равной мере с безудержной и обезличенной сексуальностью: «хотя мужчина должен быть сексуальным, от него ждут господства разума над чувствами, головы над телом, а самый сложный объект самоконтроля — его собственная сексуальность. Несовпадение

фалло— и логоцентризма делает единый непротиворечивый канон маскулинности принципиально невозможным...» [3, с. 83].

Более того, значительная часть «женских» характеристик выражает особенности человеческой природы как таковой. Например, уязвимость, забота о потомстве, привязанность и любовь, страх, наконец, — все это свойственно человеку в принципе. Следовательно, настойчивое преодоление одних характеристик и постоянное культивирование других, лишает человека природного равновесия, «разрывает» его на части. Поэтому целожизненная борьба за достижение статуса «настоящего мужчины» не только бессмысленна, поскольку ориентирует человека на противоречивый и недостижимый идеал, но и опасна для здоровья, поскольку формирует мужчину, «разрезанного надвое» [1, с. 196].

Преодоление репрессивного и деструктивного эталона маскулинности раскрывается в современных мужских исследованиях как важная и сложная задача, поскольку еще множество мужчин и женщин поддерживают традиционный «миф о настоящем мужчине», подчиняя свои бесценные жизни алгоритму становления мужчиной через отрицание женского начала, подменяя возможность стать собой возможностью бессмысленного стремления к противоречивому и недостижимому идеалу. Необходим новый образ мужественности, или, скорее, различные образы реализации мужского, новые маскулинности, в которых смогут реализоваться те личные потребности человека, которые традиционный эталон заглушал на корню: «настало время, чтобы мужчины поняли, что плата за соответствие мужскому идеалу очень высока и что мужественность станет менее опасной для здоровья только тогда, когда ее перестанут рассматривать как противоположность женственности. Необходимо срочно прививать мальчикам другой образец мужественности, в котором есть место признанию уязвимости» [1, с. 230].

Список литературы:

1. Бадентэр Э. Мужская сущность. — Пер. с франц. И.Ю. Крупичевой, Е.Б. Шевченко. — М.: АО «Изд-во «Новости»», 1995. — 304 с.
2. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 336 с.
3. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. — М.: Время, 2009. — 496 с.
4. Ушакин С.А. Поле пола. — Вильнюс: ЕГУ — Москва: ООО «Вариант», 2007. — 320 с.

СЕКЦИЯ 4.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ИСТОРИИ

ТВОРЧЕСТВО Е.П. РОСТОПЧИНОЙ КАК АПОЛОГИЯ ЖЕНСКОЙ ЭСТЕТИКИ (К ВОПРОСУ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Павлова Надежда Ивановна

канд. филол. наук, доцент ТвГТУ, г. Тверь

E-mail: nadija_80@mail.ru

Период 1830—1840-х гг. в истории русской литературы, помимо стремительного процесса литературного развития, отмечен становлением женского писательства в России. Именно в эту эпоху на литературной авансцене появляется целый ряд блистательных женских имен, стоявших у истоков формирования дискурса русской женской литературы (К.К. Павлова, Е.А. Ган, М.С. Жукова, А.Я. Панаева, А.Я. Марченко и др.). В своей статье я хотела бы обратиться к творчеству одной из ярких представительниц той эпохи — Евдокии Петровны Ростопчиной (1811—1858) в связи с актуальными проблемами изучения женского авторства и осмысления женской литературы как историко-культурного феномена.

Творческая биография Е.П. Ростопчиной — поэтессы «пушкинской плеяды», олицетворяющей одно из самых ярких женских поэтических дарований в русской литературе 1830—1850-х гг., — относится к тому уникальному явлению, когда женщине-автору выпало пережить писательский триумф и проявить собственную неповторимую индивидуальность среди признанных гениев (В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова). В феномене Ростопчиной обращает на себя внимание не столько факт прижизненного успеха писательницы, сколько его сопряженность с открытой установкой выражать в творчестве собственное женское «Я», делать его предметом многостороннего художественного изображения: «А я, я женщина во всем значеньи слова, / Всем женским склонностям покорна я вполне <...>» [3, с. 99] («Искушенья», 1839). Женскую доминанту поэтического дарования Ростопчиной отмечали

многие ее литературные современники П.А. Вяземский, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков и др.

Особенности авторской саморепрезентации обнаруживают принципиальную значимость для Ростопчиной категории пола/гендера в определении природы творчества. По сути, можно говорить о том, что в творчестве писательницы формируется дискурс, не только утверждающий исключительную ценность женского письма, но и выявляющий феминистские коннотации в определении авторской позиции писательницы. Программным в этом отношении является стихотворение «Как должны писать женщины» (1840), где поэтесса признается в своей приверженности женскому творческому дарованию: «...женские стихи особенной услугой / Мне привлекательны; но каждый женский стих / Волнует сердце мне, и в море дум моих / Он отражается тоскою и отрадой» [3, с. 133]. Мотив исключительности женского мировосприятия, уникальности женской субъективности, поэтической по своей сути, запечатлен в стихотворении «Звезды полуночи» (1840). Именно в женщине, по Ростопчиной, заключен творческий потенциал, благодаря которому она заведомо является творцом. Несмотря на то что женская тема далеко не исчерпывала многогранность таланта Ростопчиной (достаточно вспомнить ее гражданскую лирику, декабристские стихи и поэтическую диалогию «Неравный брак», принесшую Ростопчиной репутацию опальной поэтессы), тем не менее, можно говорить о том, что писательница едва ли не более настойчиво по сравнению со своими современницами выражала позицию апологета равноправия и свободы женской личности во всех ее проявлениях. первостепенная значимость для Ростопчиной темы женского писательства и ее интерпретация.

Намеченная в лирике, тема писательского самоопределения наиболее интенсивное развитие получает в крупных произведениях Ростопчиной, созданных в конце 1840—1850-х гг., а именно тех, в которых возникает образ женщины-автора и тема творческой самореализации разрабатывается в качестве центральной. Таковы стихотворный цикл «Неизвестный роман» (1848) и роман в стихах «Поэзия и проза жизни. Дневник девушки» (1850). Последний представляет собой своеобразное женское переложение всем известного романа Пушкина. Не останавливаясь подробно на анализе этого исключительно интересного текста Ростопчиной, требующего отдельного рассмотрения, позволю себе выделить некоторые его особенности, репрезентативные с точки зрения возникающего в творчестве Ростопчиной концепта женского письма. Героиня романа Ростопчиной по имени Зинаида, в отличие от мечтательницы-Татьяны,

с которой прослеживается явное сходство, обладает поэтическим даром, то есть способностью воплощать в себя в слове. Эта доминанта в образе героини позволяет рассматривать текст Ростопчиной в диалоге и даже полемике со своим знаменитым старшим современником в том смысле, что в нем опровергается идеальная модель женственности, воплощенная в образе Татьяны и, соответственно, реализация в любовной сфере как единственно возможная для женщины. «Но деятельный дух создания молодого / Но пылкое его стремление ограничить / Лишь созерцаем — нет, это невозможно! / Нет, я не вынесу неполного удела» [1, № 6, с. 144], — размышляет Зинаида, тоскуя от одиночества и однообразия жизни в столичном доме своей тетушки. Намеченная сюжетная линия о женской реализации в словесном творчестве позволяет избежать традиционной трактовки центрального женского образа романа Ростопчиной и выявляет сопротивление авторских стратегий традиционным в литературе моделям женственности. В финале этого романа недвусмысленно звучит мысль о смерти Зинаиды, пережившей несчастную любовь к герою по имени Владимир (замечу, что он, в отличие от протагонистки, полностью соответствует мужскому типу романтического героя-индивидуалиста, со свойственным ему ощущением жизненной разочарованности). В контексте дискурса о творчестве смерть Зинаиды может быть интерпретирована как метафора ее нереализованности, что в своем роде коррелирует не только с общей концепцией маргинальности женского авторства в русском литературном каноне [6], но и с писательской драмой самой Ростопчиной.

Речь идет о конфликте не востребованности, который остро переживает писательница к началу 1850-х гг., когда Ростопчина, открыто не приемлющая утверждавшиеся в то время в литературе эстетические принципы натуральной школы, оказывается, по выражению литературоведа М.Ш. Файнштейна, «чужой среди непонятых ей “мнений и начал”» [5, с. 96]. Фактически этот период отмечен началом процесса прижизненной ее маргинализации. Наметившийся кризис в литературной деятельности Ростопчиной выразился прежде всего в усилении звучания темы женского писательского самоопределения в этот период, указывая на обострение внутреннего конфликта автора-женщины, отстаивающей право реализовывать в творчестве свое «Я».

В стихотворном цикле «Неизвестный роман» возникает образ героини, в облике которой угадываются черты творческой личности самой Ростопчиной. Циклу предпослано вступление, написанное

в прозаической форме и рассказывающее историю провинциальной поэтессы, «молодой, прекрасной» и чрезвычайно образованной жены помещика З., тайно писавшей стихи — «отрывистые строфы поэмы страсти», о существовании которых становится известно лишь после ее смерти. Преобладающие в прозаическом вступлении мотивы неузнанности, непонимания, творческой нереализованности, забвения, бесславной смерти, которыми атрибутирован образ женской творческой натуры, позволяют выделить доминанту писательского сознания самой Ростопчиной и определить ее как травматичную. Подтверждением этого предположения может служить письмо Ростопчиной А.П. Плетневу, где возникает мотив смерти, сублимирующей желание автора быть признанной и понятой. «Все, что теперь меня преследует, ненавидит и бранит, тогда примется сожалеть обо мне, и вместо всех врагов и порицателей у меня явятся приверженцы и заступники... Посмотрела и послушала бы я из-под земли, что станут говорить, когда меня не будет в живых <...>» [3, с. 355].

Случайно найденные «листки», напоминающие «нечто вроде дневника» [3, с. 172], сразу вызывают восторг и восхищение обнаружившей их публики, которая бросилась «разбирать, читать, декламировать» их и «развозить» по разным сторонам «чудную новость». В письме издателю господин N. N. выражает уверенность в том, что «некоторые читатели и в особенности многие читательницы будут заинтересованы новым небывалым явлением, — женскими стихами без имени и подписи, без всякого притязания на авторитет и известность» [3, с. 173]. Не случайна в этом отношении и та деталь, что стихи умершей поэтессы читают именно женщины: «Мы все были тут, — Предводительница, Прокурорша, Советница <...> и, наконец, жившая по соседству приятельница, которая «наплакалась вдоволь, читая и перечитывая их» [3, с. 174]. Возникающий таким образом мотив предназначения и адресации женского творчества именно читательнице, а не читателю, находит свое развитие в других произведениях Ростопчиной. Так, в эпилоге опубликованного несколько позже романа в стихах «Поэзия и проза жизни. Дневник девушки» автор, обращаясь к читателю, предполагает: «И вы, читавши рассказ ее смиренный / простую исповедь восторженной души / Вы, верно, молоды, вы, верно, хороши, / Вы, верно, женщина...» [1, № 22, с. 311]. Аналогичный прием апелляции к женщине-читательнице неоднократно встречается и в стихотворениях Ростопчиной («Равнодушной», 1830; «Прежней наперснице», 1834; «Моим двум приятельницам», 1848 и др.).

Таким образом, можно видеть, что в творчестве Ростопчиной утверждается дискурс женской литературы как отдельного канала коммуникации между женщинами — представительницами собственного социокультурного сообщества. О явно феминистски ориентированной позиции писательницы свидетельствует и одно из эпистолярных свидетельств, которое можно рассматривать как своего рода манифест женского письма.

Речь идет о письме, адресованному к Ф.А. Кони от 10 мая 1854 г. В нем писательница высказывается в защиту своей драмы «Дочь Дон Жуана», возражая против обстоятельств, препятствующих ее публикации. Характеризуя свою героиню, Ростопчина говорит о том, что она «представительница огромного числа женщин» [3, с. 378], «женщина, оклеветанная мужчинами и преследуемая ими» [3, с. 378], видевшая как автор свою задачу «выводить в <...> твореньях одни только женские личности, преимущественно избочная их в столкновении с мужчинами <...>» [3, с. 377], которые «сводят <...> с пьедестала» ради собственного превосходства. «Вследствие такого убежденья, — продолжает Ростопчина, — я держу перо в руке как орудие, единственно нам данное против вас; <...> наконец, рассудив, что мы и на суду мирском точно так, как перед судом государственного правосудия, *безгласны* (выделено мною. — Н.П.) и безответны против вашей милости и не допускаемы даже в свидетели, рассчитав, что на каких-нибудь 150 или 200 пишущих женщин на всей поверхности земного шара можно предположить по крайней мере 10 000 писателей мужского пола, я нахожу, что ваш долг и наша обязанность отстаивать себя сколько можно, заступаться за падших сестер и высказывать вам иногда такие истины в притчах, которых ни один из вас не скажет, не смягчив их какими-нибудь увертками или извиняющими обстоятельствами» [3, с. 378]. Присутствующие здесь мотивы понимания женского авторства как миссии, возложенной на писательниц, как единственной возможности для женщины выразить себя свидетельствуют о степени осознания Ростопчиной того явления, которое лишь в конце XX в. получит название фаллологотризма. Не будет преувеличением заметить, что пафос возвания писательницы коррелирует с призывом теоретиков французского феминизма «писать себя» [4, с. 75]. А мотив борьбы, возникающий здесь в образе орудия-пера, буквально реализует призыв Э. Сиксу «действием письма выковать собственное оружие против вседержавного логоса» [4, с. 76]. Более того, такой авторский взгляд на сущность женского писательства значительно опережая время, оказывается во многом созвучным

современному пониманию феномена женской прозы как культурно-эстетического явления, которое, по словам одной из исследовательниц Т. Ровенской, создается только благодаря осознанию писательницами собственной принадлежности к «самобытной фемининной культуре» [2].

Таким образом, феминистски воинствующая тональность этого текста звучит как апология «женского письма». Воплощенная в нем интенция объединения «пишущих женщин» во имя того, чтобы открыто выразить в творчестве свое женское «Я» и тем самым демистифицировать созданные мужчинами образцы женственности, перекликается с современными постструктуралистскими концепциями о женской писательской практике и позволяет со всей смелостью считать Ростопчину одной из первых провозвестниц женского письма и женской эстетики.

Список литературы:

1. Гр. Ростопчина Е.П. Поэзия и проза жизни. Дневник девушки // Москвитянин. — 1850. — № 5—24.
2. Ровенская Т. Феномен женщины говорящей. Проблема идентификации женской прозы 80—90-х годов // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века [Электронный ресурс]. — М., 2002. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Ростопчина Е.П. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Советская Россия, 1986. — 446 с.
4. Сиксу Э. Хохот медузы // Гендерные исследования. — 1999. — № 3. — С. 71—88.
5. Файнштейн М.Ш. Писательницы пушкинской поры. Историко-литературные очерки. Л.: Наука, 1989. — 175 с.
6. Хайдебранд Ренате фон, Винко Симоне. Работа с литературным канонem: проблема гендерной дифференциации при восприятии (рецепции) и оценке литературного произведения // Пол. Гендер. Культура. — Вып. 2. — М., 2000. — С. 21—81.

СЕКЦИЯ 5.

**ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА
В ЭКОНОМИКЕ И УПРАВЛЕНИИ**

Данная статья удалена на основании Федерального закона от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений).

Данная статья удалена на основании Федерального закона от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений).

Данная статья удалена на основании Федерального закона от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений).

Данная статья удалена на основании Федерального закона от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений).

Данная статья удалена на основании Федерального закона от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений).

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Погудина Евгения Юрьевна

канд. филол. наук, доцент ТГУ, г. Томск

E-mail: epogudina1@yandex.ru

Уже в ходе Хоторнского эксперимента были получены сведения, наглядно демонстрирующие разницу в организационном поведении мужчин и женщин. Так, в отличие от девушек-сборщиц, реагирующих повышением производительности труда практически на все действия экспериментаторов, мужчины не отвечали повышением производительности труда ни на какие предлагаемые стимулы. Их производительность оставалась на одном уровне [7].

Гуманистический психолог Абрахам Маслоу, пирамиду потребностей которого так любят цитировать и использовать менеджеры, в своем известном труде «Мотивация и личность» также не обошел стороной вопрос совмещения различных ролей в социуме женщиной, и в следующем отрывке, думается, достаточно наглядно представлены гендерные стереотипы данного автора: «Сталкиваясь с несовершенством общества, слишком многие сегодня готовы отмахнуться от благ, дарованных им цивилизацией, готовы увидеть в них обман, фальшивку, которые не имеют ценности и не заслуживают признания, защиты и борьбы. Для того, чтобы проиллюстрировать этот комплекс, рассмотрим хотя бы борьбу за «освобождение» женщин (хотя я мог бы привести множество других примеров). Она со всей очевидностью показывает, насколько еще люди привержены дихотомичному мышлению, к мышлению «или-или», насколько нам непривычно мыслить иерархично и интегративно. О чем обычно мечтают девушки? В нашей культуре это, как правило, мечты о любви. Предел мечтаний молодой девушки — любящий мужчина, который затем женится на ней, обеспечивает ей домашний уют и становится отцом ее ребенка. Ей грезится, что после этого они живут долго и счастливо всю оставшуюся жизнь. Но факт остается фактом: сколь бы страстными ни были девичьи мечты о любящем муже, доме и ребенке, приобретая эти блага, многие женщины рано или поздно начинают чувствовать пресыщение, воспринимая все имеющееся как нечто естественное, само собой разумеющееся. Они испытывают тревогу и недовольство... Очень часто женщина чувствует себя обманутой, она начинает относиться к браку как к средству порабощения и устремляется к удовлетворению

более высоких потребностей и желаний, таких, например, как карьера, путешествия, личностная автономия и т. п. ... Неудовлетворенной женщине нужно посоветовать беречь то, что она имеет, и только после этого — по принципу профсоюзного движения — требовать большего. ... Я предлагаю для осмысления реальную возможность избежать неудовлетворенности. ... Для женщины это означает не отказываться от истинно женских радостей (любовь, дом, ребенок), но, обретя их, устремиться к полноценному дочеловечиванию, к воплощению желаний, общих для женщин и мужчин, например, реализации своих интеллектуальных и творческих способностей, к воплощению своих талантов, своего идиосинкратического потенциала, своего жизненного назначения» [8, с. 20—21].

Думается, что представленные в данном отрывке гендерные стереотипы достаточно «выпуклы» и очевидны: любовь, дом, ребенок — это в первую очередь «женские» ценности, при этом почему именно женские — не аргументируется; Маслоу не разделяет ценности самореализации на «мужские» и «женские», но из приведенного выше текста видно, что остановиться только на «женских» ценностях — значит не позволить себе стать «полноценным» (Маслоу использует выражение «дочеловечивание») человеком. Семья, домашний очаг, дети — во многих культурах это общечеловеческие ценности, и почему этих ценности недостаточны тем более не понятно, т. к. текст принадлежит психологу гуманистического направления.

И в настоящее время более 2/3 российских женщин пытаются совмещать семью и карьеру, реализовавшись и в материнской, и в профессиональной роли. В итоге рабочий день таких женщин может составлять 16—18 часов, т. к. домашняя работа и воспитание детей является именно работой по многим характеристикам и параметрам [9, с. 3].

Если проанализировать современные учебники по организационному поведению, то можно увидеть, что в некоторых учебниках и учебных пособиях уделяется внимание специфике поведения женщин в организациях, анализу «женских» стратегий поведения в конфликтных ситуациях, а также профессиональной карьере женщины или карьере в роли жены и матери [3]. Интересно, что в данных руководствах не идет речи о мужчинах. Например, если говорится, что женщина может совмещать две карьеры: карьеру матери и профессиональную карьеру, то карьера мужчины трактуется однозначно — реализация в профессиональной сфере [3], [4].

Тем не менее, гендерные особенности организационного поведения — очень важный аспект, если мы говорим об образовании

менеджеров по персоналу и управлению организационным поведением персонала, т. к. не учитывать гендерную специфику возможно только в вузовских программах, но не в реальной сфере деятельности. Существует огромное количество западных исследований, посвященных этому вопросу [1], но российских исследований, посвященных исследованию гендерных особенностей, не так уж много [1].

Стереотипы относительно мужского и женского поведения, мужских и женских ролей нередко складывались на основе биологических различий между полами. Женщину можно научить строить дома, железные дороги и водить самолеты, но мужчину мы вряд ли сможем научить вынашивать и рожать детей. А между тем именно эти биологические различия нередко становятся основой для дискриминации женщин в профессиональной сфере (опустим здесь вопрос дискриминации мужчин, хотя это явление также существует, хотя менее распространено, и ждет своих исследований). «Сегодня стало совершенно явно, что половая принадлежность — сложный комплексный феномен: есть генетический пол, гормональный пол, пол по строению мозга, пол по внутренним и внешним морфологическим признакам и так далее» [6, с. 136].

В настоящее время изучаются стратеги «женского» и «мужского» стиля управления, при этом исследователи отмечают, что стратегия «женского» или «мужского» типа управления может и не зависеть от пола, и успешные менеджеры, как правило, сочетают и тот и другой подход [6], [9]. При этом «женские» стратегии нередко более эффективны в работе (хотя это то, что казалось бы, должно мешать в работе — например, излишняя эмоциональность), а женщинам-руководителям не чужд достаточно жесткий «мужской» подход. Так, Рощина М.Л. говорит о том, что для «женского стиля» управления характерны средний уровень напористости, более важен сам процесс деятельности по сравнению с результатом, затрачивается больше усилий для создания хорошего рабочего климата; власть необходима для решения проблем и предпочтение командного принципа работы. «Мужской» стиль управления характеризуется более жестким укреплением своих позиций, приоритетным является результат, а не процесс его достижения, проблемы решаются потому, что нужна власть и предпочитается строго выстроенная пирамидальная структура власти [9, с. 17]. Вывод, который делает исследователь — для успешного управления необходимо гибко сочетать ту и другую стратегию.

Однако гендерная специфика все еще практически не учитывается в реальных программах управления и формирования

организационного поведения. Если мы проанализируем программы адаптации, мотивации персонала, программы разработки форм внутриорганизационного поведения [5], а также учебные планы и программы подготовки менеджеров, то не увидим (за редким исключением) учета такого важного аспекта, как гендерный.

В то же время, когда в управлении становятся актуальными проектный и командные подходы к осуществлению профессиональной деятельности (где, думается, будет более эффективен именно «женский» стиль управления), разрабатываются и становятся востребованными программы развития эмоционального интеллекта (а именно женщины более эмоциональны, по сравнению с мужчинами, тогда как мужчинам, начиная с достаточно раннего возраста, по умолчанию предписывается в основном подавление эмоций, что нередко ведет к печальным последствиям во многих жизненных сферах), появляется надежда, что данному аспекту организационного поведения будет уделяться должное внимание.

Список литературы:

1. Бендас Т.В. Гендерная психология. — СПб.: Питер, 2008. — 430 с.
2. Журавлева Н.Ю., Безыкорнова А.Е. О гендерных аспектах в менеджменте // Инновационность и многоуровневый менеджмент в современном Российском обществе: Всероссийская научно-практическая конференция, 2011 г.: [материалы]. — Волгоград — М.: ООО «Планета», 2011. — С. 192—195.
3. Зайцев Л.Г., Соколова М.И. Организационное поведение. — М.: Экономика, 2005. — 665 с.
4. Зельдович Б.З. Организационное поведение. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 318 с.
5. Котельникова Т. Разработка форм внутриорганизационного поведения [текст] / Т. Котельникова // Проблемы теории и практики управления. — 2010. — № 8. — С. 50—54.
6. Кошкина В.К. Гендерные особенности управленческой деятельности: культурно-исторический и психофизиологический аспект [текст] / В.К. Кошкина // Инновации в образовании — 2010. — № 4. — С. 130—143.
7. Магура М.Б. Современные персонал-технологии. — М.: Бизнес-школа «Интел-синтез», 2001. 376 с.
8. Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб.: Евразия, 1999. — 478 с.
9. Рощина М.Л. Гендерная специфика управленческих решений: автореф. дис. .. канд. социол. наук : [текст] / М.Л. Рощина; Московский гос. ун-т. — М., 2006. — 20 с.

СЕКЦИЯ 6.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В СОЦИОЛОГИИ

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ МАСКУЛИННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Клименко Наталья Сергеевна

Старший преподаватель, КрасГМУ, г. Красноярск

E-mail: favour85@mail.ru

Проблема оценки современной российской маскулинности — это проблема, с одной стороны, гендерная, связанная с определением самого понятия «маскулинность», а с другой стороны — социальная, связанная с перестройкой и деформацией традиционных гендерных ролей в современном человеческом обществе.

Российское общество, вставшее на путь демократизации и гендерного равенства оказалось в затруднительном положении: новые социальные роли мужчин и женщин до сих вступают в конфронтацию с российским патриархальным общественным сознанием, что создает определенные трудности в гендерном самоопределении для представителей обоих полов. И если женщины более активно усваивают правила новой гендерной игры, так как в свое время именно они являлись борцами за равенство полов, то мужчины как всякий господствующий класс, утративший свою многовековую власть, воспринимают эти социальные потрясения более болезненно.

Неспособность мужчин приспособиться к трансформации гендерных ролей в современном обществе, их растерянность в отношении поиска и усвоения канона «новой маскулинности» современные социологи и психологи определяют как «*кризис маскулинности*». И если XIX век стал веком «женского вопроса», связанного с распространением феминизма, то, начиная с 70-х годов XX века, смело можно говорить о возникновении «мужского вопроса», который на сегодняшний день еще и осложняется противоречиями в разрешении женского.

Первые попытки разрешения «мужского вопроса» были связаны с распространением в 1970-х годах на Западе мужских

освободительных движений, многие из которых были основаны на подражании феминисткам в желании защищать собственные групповые интересы.

Сторонники движения за освобождение мужчин требовали, чтобы мужчинам разрешили проявлять нежность, слабость и даже плакать: именно в запрете на проявление эмоций они видели корень всех психологических мужских проблем, склонности мужчин к сердечно-сосудистым заболеваниям и их ранней смертности.

В 1991 году центром этого движения стала «Национальная организация мужчин против сексизма (The National Organization for Men Against Sexism — сокращенно NOMAS). Это организация пропагандировала идеи довольно близкие к феминизму, выступая против социального неравенства и гендерных привилегий во всех сферах профессиональной и социальной жизни [1, с. 35—36].

В противовес «профеминистам-либералам» на западе стали возникать консервативно-охранительные движения, которые главную опасность для мужчин видели в растущей женской самостоятельности и стремительной мужской феминизации. Представители консервативно-охранительных движений называют «мужское господство» и «гендерное неравенство» мифом. Представитель одного из таких движений «Движение за права мужчин» (The Men's Rights Movement) Уоррен Фаррелл так выразился на этот счет: «Иметь власть — не значит зарабатывать деньги, чтобы их тратил кто-то другой, и раньше умереть, чтобы другие получали от этого выгоду» [цит. по [1, с. 303].

По мнению «антифеминистов» мужчины и дома, и на работе угнетены больше, чем женщины. При разводе они терпят большие финансовые потери, теряют право на собственных детей и т. д. Единственный способ восстановить справедливость — организованная мужская самозащита.

Разнообразные мужские движения способствовали вычленению целого ряда мужских проблем и конкретизации понятийного аппарата, получивших в XXI веке огромную популярность мужских исследований — *men's studies*.

В России мужские исследования появились в рамках гендерных исследований в конце XX века. А вот массовых мужских движений подобных западным в России, увы, не было. Видимо, по причине наличия множества других социальных проблем.

Сегодня «мужской вопрос» неизбежно соотносится с вопросом о понятии «настоящий мужчина». Популярная сегодня ностальгия по «настоящему мужику» — явление для истории совсем не новое.

Подобно таким вечным ценностям как «настоящая дружба» и «настоящая любовь» образ «настоящего мужчины» всегда идеализируется и проецируется в прошлое.

Несмотря на то, что в современном российском обществе также сильна ностальгия по «настоящему мужчине» (преимущественно среди женщин), российская маскулинность всегда была явлением противоречивым, соединяющим в себе патриархальные традиции и принципы, закрепленные в Домострое, и имманентную женственность русской души и характера. Противоречия российской маскулинности можно наблюдать еще в древнерусском обществе. Несмотря на то, что это общество являлось типично мужским и патриархальным, женщины нередко играли заметную роль в культурной и даже политической жизни. Достаточно вспомнить великую княгиню Ольгу и дочерей Ярослава Мудрого [2, с. 128].

Часто фигурирующие в русских сказках образы «Василисы Премудрой» и «Ивана Дурака» также никак не вяжутся с абсолютной властью мужчины в семье и в обществе, закрепленной в Домострое.

Воинская доблесть, верность царю и Отечеству, на которых держался дворянский канон маскулинности, нередко вступали в противоречия с политическим деспотизмом, подавляющую самостоятельность представителей высших слоев общества, не говоря уже о рядовом «русском мужике».

Специфика российского «фемининного патриархата» проявилась и в период Советской власти. В советской семье российский синдром «сильной женщины» был актуальнее, чем когда-либо раньше: 50—60 % разводов в СССР были инициированы женщинами, женщины распоряжались семейным бюджетом и несли ответственность за решение основных вопросов семейной жизни [2, с. 133].

Образы сильных женщин и неуверенных, сомневающихся мужчин отражены во многих известных советских фильмах, таких как «Служебный роман», «Любовь и голуби», «Москва слезам не верит».

Доминирование женщины в семье, а также деспотическая власть правящей партии и бюрократизация общественной жизни подавляла мужское самосознание, инициативу и независимость советских мужчин.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период олицетворением маскулинности был фронтовик. Однако противоречивость этого канона героической маскулинности прослеживается в произведениях многих советских авторов.

К примеру, в повести Виктора Некрасова «В одном городе», написанной в 1954 году, рассказывается о том, как фронтовики, не боявшиеся идти под огнем в атаку на войне, пасуют, когда нужно

поддержать товарища, восставшего против социальной несправедливости [2, с. 139].

Страх перед политическим режимом для советского мужчины порой оказывался сильнее, чем страх смерти.

Однако в 60—70-х годах в СССР, во многом благодаря ослаблению политической тирании, начинают возникать альтернативные каноны маскулинностей, часто балансирующие на грани оппозиции правящему режиму. Романтики, поэты-песенники, стилиаги — их всех объединяло разочарование в официальной советской идеологии, которое они выражали в деполитизации своего образа жизни, провокационных текстах или форме одежды.

Распад Советского Союза, социально-экономический кризис и криминализация страны в начале 1990-х годов привели к популярности так называемой «бандитской маскулинности», включавшей в себя культ жестокости, высокого материального благосостояния (предпринимательство, как правило, подразумевало под собой связь с криминальными структурами), но в то же время сочетающей в себе идеи братства и «понятийной» чести.

Романтизм новой криминально-агрессивной маскулинности ярко представлен в популярных фильмах постсоветской эпохи: «Брат», «Брат-2», «Антикиллер», «Бумер», сериал «Бригада».

В конце 1990-х — начале 2000-х, когда новое государство немного окрепло и сформировало заказ на другие фильмы и сериалы, альтернативой «бандитской маскулинности» становится «правоохранительная маскулинность» в образе «нового силовика» (милиционеры, следователи, сотрудники спецслужб). Их образ мало чем отличается от героев американских боевиков за исключением национального колорита.

XXI век, благодаря затиханию экономических и социальных противоречий (по сравнению с прошлым веком), прогрессирующей ориентации общества на западные идеалы, а также развитию шоу-бизнеса, привнес новые элементы в российское «маскулинное» самосознание.

Брутальной маскулинности в образе «настоящего мужика» (естественного, грубого, не нуждающегося ни в каких украшениях) в наши дни противопоставлена маскулинность «метросексуальная» в образе ухоженного, интеллигентного, образованного, следящего за своей фигурой и модными тенденциями мужчины (довольно часто этим он навлекает на себя со стороны российского общества подозрения в нетрадиционной сексуальной ориентации).

Метросексуалы — как правило, представители шоу-бизнеса, модной индустрии, иногда бизнесмены и политики. Они пользуются успехом у женщин и соответственно больше отвечают современным женским представлениям о «настоящем мужчине», нежели мужским.

Таким образом, наличие множества вариантов маскулинности в рамках одного общества в совокупности с тем фактом, что это общество является довольно ригидным и консервативным затрудняет поиск оптимальной маскулинной модели. Однако к положительным сдвигам можно отнести то, что в последнее время в России в рамках общественных наук стал все чаще подниматься «гендерный вопрос», в частности «мужской вопрос».

Одно из современных направлений разрешения «мужского вопроса» тесно связано с исследованием мужчин и антропологией детства: появление научного направления «мальчиковедения» (boyhood studies) связано с нарастающим интересом к изучению мальчиков и мальчишества [3, с. 21].

Разрешение «мужского вопроса» через усовершенствование системы образования для формирования позитивной оценки маскулинности в российском общественном сознании представляется нам довольно актуальным в контексте возрождения специализированных мужских образовательных учреждений — кадетских корпусов и суворовских училищ, которые, различаясь по историко-идеологическому содержанию, все же ориентировали своих воспитанников на восприятие классического канона «позитивной» маскулинности — а именно мужества, героизма и верности Отечеству.

Список литературы:

1. Киммел М. Гендерное общество. — М.: РОССПЭН, 2006. — 464 с.
2. Кон И.С. К проблеме национального характера//Междисциплинарные исследования: Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов —н/Д.: Феникс, 2006. С. 239—258.
3. Кон И.С. Мальчик — отец мужчины. — М.: Время, 2009. — 704 с.

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В СЕМЬЕ

Тлеуменова Жанар Сайрамбековна

*магистр психологии, ст. науч. сотр. Казгосженпу, НИИ СГИ,
г. Алматы*

E-mail: zhanar.tleukenova@mail.ru

Бектурганова Гульжан Кыдырбаевна

*магистр географии, ученый секретарь, Казгосженпу, НИИ СГИ,
г. Алматы*

E-mail: gulzhan.bekturganova@yandex.ru

Аймаганбет Гуласыл Казбековна

магистр социологии, науч. сотр., Казгосженпу, НИИ СГИ, г. Алматы

Социально-политическая трансформация всего казахстанского общества затрагивая все сферы жизни современного общества, с новой силой обозначила противоречивое положение полов в приватной и публичной сферах и оказала заметное влияние на состояние брака и семьи, на отношения между супругами, родителями и детьми, актуализировав тем самым проблему принятия индивидами своих половых ролей, а именно процесса гендерной социализации в обществе в целом. И в данной статье, прежде чем рассмотреть природу гендерных отношений и процесса гендерной социализаций в семейном ракурсе, хотелось бы поразмыслить над тем, что такое «гендерная социализация» и какое влияние оказывают на человеческое развитие? В чем заключается особенность гендерной социализаций в семье? Что такое институт семьи? И что оно дает в социальном и гендерном плане для индивида вообще? Для того чтобы найти ответы на эти вопросы, нам нужно понять, что формирует нас, как социальных мужчин и женщин.

Само понятие гендерной социализации является одним из центральных в различных социальных науках: философии, психологии, педагогике, социологии, политологи. Каждая из наук дает собственное определение гендерной социализации, акцентируя внимание на различных аспектах данного процесса. Однако, если разобраться самим термином этого понятия, то гендерная социализация обозначает процесс освоения людьми социально-половых ролей. В этом процессе участвует сам человек, идентифицируя себя с мальчиками (мужчинами) или девочками (женщинами). (Например: «я — девочка, а девочки должны быть

красивыми, аккуратными, скромными...) [2, с. 25]. То есть осмысление определенных моделей мужского и женского поведения, соответствующих им ценностей, взглядов, норм поведения, а также появления соответствующих стереотипов. Иными словами, речь идет о том, как люди становятся «мужчинами» и «женщинами».

Исходя из данной социальной терминологии, отметим, что важными институтами, участвующими в гендерной социализации, являются:

- семья (девочка следует примеру матери, получает представления о «женских» обязанностях по обслуживанию членов семьи, о нормах девичьего поведения, а мальчик — соответственно, следует примеру отца, выполняет «мужские» обязанности, получает представление о нормах дозволенного мужчинам...);
- школа (педагоги, учебники, воспроизводящие гендерно-традиционные установки, разные программы для девочек и мальчиков...);
- различные учреждения (например: магазин, предлагающий разную одежду, принадлежности, игрушки для девочек и мальчиков);
- СМИ (воспроизведение гендерно-традиционных ролей, образов...) [1, с. 140].

Теперь, остановимся конкретно на том, что такое семья? И в чем же заключается особенность гендерной социализации в семье? Семья — как основной институт первичной социализации индивида имеет свою специфику, поскольку именно здесь формируются, прежде всего, образцы мужского и женского семейного поведения, установившиеся роли в семье, особенности формальных и неформальных норм и санкций в сфере брачно-семейных отношений.

Отметим, что основными механизмами гендерной социализации в семье являются гендерные стереотипы, а агентами гендерной социализации являются родители. И потому идеализированная модель будущей семьи в представлениях молодых людей формируется под влиянием родительской семьи, и некоторых усвоенных образцов социальной среды. Исходя из этой точки зрения, хотелось бы раскрыть данную тематику статьи более обширно на примере национальной семейной культуры казахов, и проследить как происходит вообще процесс гендерной социализации в казахских семьях.

«Воспитание должно быть одинаковым, в том смысле, что девочка не должна быть обделена ни в образовании, ни в чем-то еще, что дается в семье мальчикам, что пригодится им в будущем. Но девочка должна знать, что такое порядок и дисциплина. Права у них одинаковые, но сын получит шанырак от отца, а дочь уйдет в чужой дом, в чужое гнездо» [4, с. 56]. Именно в таких традиционных

условиях формируется гендерная социализация в казахских семьях, а также, семейное воспитание и ценности, где универсальными ключевыми фигурами воспитания детей с учетом их гендерных особенностей выступают родители. При этом подходы их к воспитанию часто диаметрально противоположны. Отцы более дифференцированно относятся к ребенку в зависимости от его пола, чем матери. Они, как правило, почти не взаимодействуют ни с сыновьями, ни с дочерьми на протяжении первого года жизни. Скорее всего, этому способствует устойчивое мнение, что, в первые годы жизни дети, независимо от пола, отождествляют себя с матерью и демонстрируют привязанность к ней. Хотя имеются и противоположные данные о том, что уже в течении первых двух лет жизни у мальчиков развивается устойчивая привязанность к отцу, если отец проявляет заботу о сыне. Отцы проявляют вдвое большую активность во взаимодействии с сыновьями, чем с дочерьми.

Известно, что мальчики являются более желанными детьми для родителей казахов, особенно, если речь идет о первенце. Этому способствует устоявшееся представление о большей социальной ценности мужчин по сравнению с женщинами. Данный факт гендерной социализации, можно проследить на основе этнографического материала, ограничившись мужской, т. е. патриархальной системой. Главной особенностью ранних периодов жизненного цикла казахов заключались в формировании психофизиологических характеристик и ранней социализации (обучение первичным навыкам предметно-орудийной деятельности, первичное осознание комплекса кровнородственных и социальных связей и т. п.), то с достижением примерно 12—15 лет для мальчиков («боз бала», «жігіт-желен»), 11—13 лет для девочек («кыз бала») акцент переносился на формирование активных трудовых навыков с ориентацией на гендерные функции с постепенным усвоением связанных с этим культурных стереотипов и поведенческих норм [5, с. 205].

На следующем этапе социализации, охватывающем юношей старше 15—16 лет («жігіт») и девушек — 13—15 лет («бой жеткен кыз», т. е. «на выданье», достигшая брачного возраста) на первый план выходит брачная и производственная функции. По обычному праву юноша-казах признавался совершеннолетним с 12—15 лет и получал право вступать в брак, а также «отлучаться, наниматься и заниматься делом сам, без спроса»; «до 12—15 лет продажа, купля, заем и другие распоряжения их недействительны». Кроме того, «пора выделения каждого сына зависит от того, в каком положении находятся дела отца,

и определяется в семейном кругу, но не ранее того, как минет сыну 16 лет, по пословице «в пятнадцать лет — хозяин кибитки». Для традиционных обществ характерна сильная властная структура семьи, большей частью патриархальной формы, которая сохранялась и тогда, когда сыновья уже становились взрослыми. Так традиционный институт «семьи» в Центральной Азии являлся (и является) важнейшим как в материальном плане (все вносят свой вклад в ее доходы), так и в процессе социализации отдельных своих членов. Однако, отметим, что на сегодняшний день в казахстанском обществе роль мужчины как главы семьи и как отца имеет тенденцию в сторону снижения. Об этом свидетельствуют социологические исследования «Роль современного мужчины в семье» проведенное Институтом политических решений в крупных городах республики (Алматы, Астана и все областные центры). Правда, картинка получилась довольно радужная. Что касается роли мужчины в семье за последние 10 лет, то голоса респондентов распределились так: «не изменилась» — 40,3 %; «незначительно возросла» — 17,8 %; «незначительно снизилась» — 14,1 %; «существенно возросла» — 10 %; «существенно снизилась» — 9,8 %. В опросе участвовали как находящиеся в браке, имеющие отношения с партнером, так и одинокие люди. Эти же респонденты считают, что мужчина в семье это прежде всего «кормилец, источник финансового дохода» — 53,6 %. «Бездельник, ничем не занимается» — всего 2,1 %. То есть меньше, чем «затрудняюсь ответить» — 4,4 %. На втором месте после «кормильца» было «лидер, защитник и покровитель семьи» — 36,3 %. Но как отмечает психолог Татьяна Журавлева «Кризис в мужской роли безусловно. Но любой кризис несет в себе зерно его преодоления» [3].

Теперь перейдем к теме гендерной социализации девочек и девушек в роли женщин и матери. С раннего детства у детей в зависимости от пола формируются и закрепляются качества личности, соответствующие нормативным представлениям о маскулинности-фемининности. У мальчиков — это активность, настойчивость, сообразительность, уверенность в себе, у девочек — уступчивость, пассивность, зависимость. Это же касается и полоролевого поведения детей. Девочкам обычно не дают играть солдатиками, пистолетами, мальчикам - куклами, детской посудой. Игрушки для девочек чаще связаны с миром дома, с выполнением стереотипных действий в семье, способствующие формированию стереотипной гендерной роли, соответствующие игре в «дочки матери».

В обыденной истории гендерной социализации девушки в казахской культуре можно увидеть на примере девушки — невестки в семье мужа

в казахских семьях. Другими словами навыки поведения в семье женщина получает в роли невестки у казахов. Именно, свекровь направляет невестку в ее поведении в семье, демонстрирует образцы поведения женщины в роли жены, матери. Свекровь, таким образом, выступает агентом гендерной социализации девушки в семье мужа. В родной семье девочка получает первые понятия о прилежности, послушании. Но родители еще щадят девочку, считая, что вся оставшаяся жизнь ее будет подчинена требованиям мужа, его семьи, и дают ей избыток нежности (особенно со стороны отца, дедушки) и определенной свободы. В казахских семьях женщины оценивают такой опыт как положительный, выделяя его воспитательную компоненту, играющую свою роль для девушек в процессе адаптации в обществе, в новой семье.

В заключении отметим, что наше исследование показало, что набор стереотипов мужского и женского поведения в разных культурных традициях неодинаков, в особенности у казахов. Конструирование гендера в процессе социализации осуществляется основным институтом социализации — семьей, и именно через межпоколенную трансмиссию родителей и передачу их жизненного опыта и представлений о гендерных стереотипов. И поэтому для повышения ответственности обоих родителей за воспитание детей и перераспределение домашних обязанностей в настоящее время необходимо в казахстанском обществе прорабатывать вопрос о повышении отцовской роли. Так как в современной семье мужчины и женщины должны нести равную ответственность за воспитание детей. Ведь с семьи начинается свою жизнь каждый человек.

Список литературы:

1. Захарова И.В. Роль родителей в гендерной социализации ребенка // Молодой ученый. — 2011. — № 5. Т. 2. — С. 140—142.
2. Легенина Т.Б. Гендерная социализация в современной российской семье: социокультурный анализ // Автореферат на соис. канд.социолог. наук, — Ставрополь., — 2004 г. С. 30.
3. Мужчина учит в семье новую роль // Фрагмент из заседания Клуба Института политических решений, Алматы, 2012 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.zona.kz (дата обращения 17.11.2012).
4. Сеитова М. Женщина в казахской семье: смириться или уйти? //Голоса уходящих поколений (анализ женских биографий). Под ред. С. Шакировой. Алматы: Центр гендерных исследований. 2002. — 224 с.
5. Тесленко А.Н. Культурная стратификация социализации казахстанской молодежи // Сборник статей научно-практической республиканской конференции. г. Астана, Казахстан, 2011. С. 375.

«ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»

Материалы II международной заочной научно-практической
конференции

21 ноября 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 28.11.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,75. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3